

*Марина и Маргарита
Тосоховы*

*Для тех,
кому не нужно
славы*

*серия
«Трианон-мозаика»*

Марина Посохова

**Для тех, кому не нужно славы.
Серия «Трианон-мозаика»**

«Издательские решения»

Посохова М.

Для тех, кому не нужно славы. Серия «Трианон-мозаика» /
М. Посохова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960403-3

Снова читателю предстоит разобраться, чем связаны между собой серийные отравления конца XVIII века, исчезновение стихотворения на старопровансальском языке и трагические события недавнего времени. Одно из значений слова «trianon» — трижды тайный, трижды неизвестный. События рассыпаны на мелкие осколки, и зачастую герои, даже находясь в центре действия, не могут охватить всю картину происходящего. Тайна открывается лишь читателю.

ISBN 978-5-44-960403-3

© Посохова М.
© Издательские решения

Содержание

Июнь 201... года, департамент Жер, Франция	6
Январь 1798 года, село Никольское	11
Июнь 201... года, департамент Жер	15
Январь 1798 года, имение Щельгино	20
Июнь 201... года, департамент Жер	23
Январь 1798 года, имение Щельгино	27
Август 201... года, город Никольск	32
Январь 1798 года, имение Щельгино	36
Август 201... года, город Никольск	39
Январь 1798 года, имение Щельгино	42
Август 201... года, Москва	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Для тех, кому не нужно славы

Серия «Трианон-мозаика»

Марина Посохова
Маргарита Посохова

© Марина Посохова, 2018

© Маргарита Посохова, 2018

ISBN 978-5-4496-0403-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для тех, кому не нужно славы

Июнь 201... года, департамент Жер, Франция

Аня замерла у застекленных дверей вестибюля, прижимая к груди стопку нот. Холл гостиницы заливало странным светом, одновременно желтоватым и свинцово-серым. Наползала темная, тяжелая туча, но солнце еще проглядывало в разрывах между передовыми серыми клочками. Здание городской мэрии, куда Ане предстояло пройти, стояло близко, через небольшую площадь, вымощенную отполированным временем камнем. Сбоку площади возвышалось какое-то ненужное строение – полуразрушенная стена грубой кладки, для чего-то прикрытая сверху узким навесом. Аня беспомощно оглянулась, но увидела только, как молодой человек, сидящий за стойкой небольшого гостиничного бара, и сам бармен, не отрываясь, смотрят на нее. Кажется, молодой человек что-то сказал и даже взмахнул руками, но слова его перекрыл звук открываемой двери – Аня, наконец, решила выйти на улицу. Дождь еще не начался, а до ступеней мэрии, в которой одновременно располагался и концертный зал, было рукой подать.

Она пожалела об этом уже через несколько секунд. Сначала Аня услышала сухой, свистящий звук, а потом почувствовала, как по ее телу ударили сотни мелких ледяных шариков, особенно колючих, потому что дождь еще не начался. Она бросилась к старой каменной стене, это показалось ей ближе, чем вход в гостиницу. Но навес над остатками строения был такой узкий, что поток небесного льда продолжал стегать Аню с головы до ног. Она повернулась лицом к стене, царапаясь локтями о камень. Место, где она спряталась, оказалось не лучшим – каменная кладка выпирала здесь горбом, и под символической защитой навеса оказались разве что ноты. Аня стремительно переместилась немного в сторону, где камни образовывали небольшую впадину, и развернулась спиной к стене.

В это же мгновение она увидела, как от гостиницы к ней несется, прикрывая голову какой-то ветровкой, тот молодой человек, что сидел у барной стойки. Градины сыпались сплошным потоком, уже не мелкие, как горох, а гораздо крупнее. Парень в несколько прыжков одолел расстояние до навеса и растянул над головой Ани светло-серую легкую куртку. Он что-то говорил, наклоняясь почти вплотную к ее лицу, улыбаясь и одновременно морщась от боли, когда особенно крупная градина попадала по его плечам и спине. Аня растерянно улыбнулась – в таком грохоте она ничего не могла понять, даже если бы и знала французский язык. Но по-французски она могла сказать разве что несколько слов, которые сейчас были совсем ни к чему. Они простояли так, тесно прижавшись друг к другу, пару минут, и Ане уже показалось, что шум стихает и ледышки становятся мельче. Но откуда-то налетел такой шквал, что ветровку вырвало из рук парня и швырнуло на землю в нескольких метрах от них. Смятую куртку в считанные секунды завалило ледяным крошевом. И наконец хлынул дождь.

Теперь град загремел еще сильнее, словно подстегиваемый струями воды. По гладким камням понесся поток ледяной воды, сначала посередине площади, потом разбегаясь к краям. Молодой человек снова что-то прокричал Ане на ухо, вырвал у нее из рук стопку нот, мгновенным движением закинул их куда-то, и подбросил девушку вверх, едва не ударив головой о стропила навеса. Он крепко подхватил ее за бедра, так что ее ноги не доставали до земли на добрых полметра. Аня, охнув, вцепилась ему в мокрые плечи, и, поглядев расширенными глазами на залитую дождем площадь, поняла, зачем он это сделал. Вода пополам со льдом неслась, доставая почти до колен неожиданному спасителю. Она билась и закручивалась в водовороты возле каждого препятствия. На какое-то мгновение Ане показалось, что они вместе с парнем покачнулись и едва не поплыли туда, куда неслась вода, но потом догадалась, что у нее закружилась голова. Она зажмурилась, затем открыла глаза и сначала увидела, а потом уже почувствовала, что молодой человек уткнулся лицом прямо ей в грудь. Через несколько

секунд он посмотрел на нее и рассмеялся, что-то крича. Мокрые, довольно длинные темные волосы прилипли к его щекам, и он помотал головой так, что полетели брызги.

Град обрушился с новой силой, нещадно, с бешеной скоростью молотя парня по всему телу. Он замолчал, стиснув зубы от боли и напряжения. Аня обхватила руками его голову, крепко прижав к своей груди, чтобы хоть как-то защитить его, и тоже почувствовала жгучую боль от ударов градин. Ощущение было такое, как будто по рукам изо всей силы хлестали плетью. Она не могла понять, сколько времени это длилось, но наверняка недолго, пару минут, потому что дольше выдержать это было бы невозможно. Проглянуло солнце, осветив бесстрастным светом стену уходящего града, потоки бурлящей воды и груды мелкого льда там, где его не смыло. Еще немного, и Аня смогла разжать горящие от ударов и холода руки, и попыталась стать на ноги. Но молодой человек не отпускал ее. Что-то говоря, он, подхватив одной рукой под спину, а другой под колени, торопливо понес ее через площадь, шагая по воде. Аня едва успела подхватить ноты и кивнуть, поняв, что он спрашивает, нести ли ее к мэрии.

Черные тучи стремительно уходили, возвращая небу пронзительный голубой цвет, на них как на темном экране проступала высокая, крутая арка радуги. Дождь шел уже мелкий, редкий, весело переливаясь под солнцем. Молодой человек поставил Аню на мокрые блестящие каменные ступени, здороваясь с охранником или каким-то другим служителем. Сухощавый старик в форме, похожей на военную, заранее открыл тяжелые резные двери, качая головой, говоря быстро и кивая на уходящую черную тучу. Аня переступила через порог, следуя приглашающему жесту охранника, и спохватившись, обернулась к своему спасителю.

– Мерси! – смутившись, выговорила она одно из немногих слов, которые смогла вспомнить.

Парень снова засмеялся, обхватил себя за плечи руками, показывая, что он вымок до нитки, и побежал обратно через площадь в сторону гостиницы. Аня проводила его глазами и пошла вслед за сотрудником мэрии, который повел ее в другое крыло здания. Пока они шли высокими сводчатыми коридорами, выложенными звонко стучащей под каблуками старинной плиткой, Аня приходила в себя. Впору было спросить – а что это было? Но похоже, что отделалась она легко, даже почти не промокла. Разве что руки до самых плеч еще горели, как обожженные.

Концертный зал оказался неожиданно просторным для такого маленького городка. Кресла для зрителей располагались низко и уходили в полную темноту при неярком свете, оставленным для освещения сцены. Аня кивком поблагодарила сотрудника и подошла к роялю. Она положила стопку нот рядом с пюпитром и откинула крышку. Старый, благородный «Стейнвей» отозвался звучно и певуче, и Аня немного успокоилась: программа для выступления была довольно сырой, многие произведения поменяли в самый последний момент, уже перед поездкой. Начинать концерт детского хорового ансамбля «Снегири» планировалось с попури из известных песен, и аккомпанемент к этому самому попури был довольно невырытым. Аня потерла ладонь о ладонь, чтобы немного согреть руки, и постаралась прогнать из головы все ненужные мысли. Когда она уже заканчивала отрабатывать неудобные места в фортепианном сопровождении, до нее донесся шум, который нельзя ни с чем спутать. Это горланили, гомонили, смеялись, повизгивали «артисты хорового коллектива», как указывалось в документах для получения визы. Артисты имели от роду от семи до одиннадцати лет, и никакая сила, включая четверых взрослых сопровождающих, не могла их заставить пройтись в полном молчании в таком интересном месте. Детвора продвигалась к сцене по залу, оглядываясь, цепляясь о ручки старинных кресел, обитых синим бархатом, и не переставала делиться впечатлениями.

– Ой, вы себе не представляете, Анна Дмитриевна, какой мы град видели!

– А у нас прямо в окно так стучало, что даже стекло треснуло! Правда-правда, и вот такие градины на ковер посыпались! – единственный мальчик из всего хора, Вадик Стрешнев, показал руками размер теннисного мяча.

– Ну, если и не такой, то все равно кошмарный град был – вмешалась его мама. Она, как и мама самой младшей девочки, Лизы, поехала во Францию, чтобы не волноваться за детей и заодно посмотреть знаменитые места.

Руководитель хора, Елена Степановна, металась по сцене, пытаясь выяснить, есть ли здесь специальные хоровые станки для детей. Заодно она успевала отвечать на вопросы, разыскала станки пониже, распорядилась установить их ближе к краю сцены, переговаривалась с переводчицей. Оказавшись рядом с роялем, она спросила:

– Ты как, Анечка? Вижу, успела все-таки до дождя пробежать – рассеянно заметила она, листая хоровые партитуры. Окна гостиничных номеров выходили на другую сторону, не на площадь, а на городской сад, стало быть, Аниного приключения никто из прибывших россиян не видел. – Ты не представляешь, что на улице творилось! Что-то апокалиптическое! Сколько на свете живу, ничего подобного видеть не приходилось...

Сколько живет на свете сама Елена Степановна, знали только официальные документы. Аня помнила ее всегда одинаковой – стройная, быстрая дама без возраста, энергичная, как в рекламе батареек, с волосами, выкрашенными всегда в один и тот же красновато-каштановый цвет.

– Ох, боюсь, зря мы так программу кардинально поменяли... Чего испугались, что публика иноязычная? Музыка перевода не требует – бормотала она, обращаясь скорее к самой себе, нежели к Ане. – Как рояль? Без дефектов? Вот и хорошо. После распевки сразу давай попури. Стали! Глазки на меня!

Елена Степановна, прямая, как натянутая струна, царственно-повелительным дирижерским жестом вытянула руки:

– И-и-и... Ма-мо-ми-мо-му... Ровнее, ровнее... Не кричим, поем... Еще раз...

Репетиция пошла привычным ходом. Хористы у Елены Степановны были приучены выступать часто и в любой обстановке. Приходилось петь и на ступенях собора, и на лесных полянах, и на всех городских праздниках, перед всеми гостями. Пели в мороз, и в жару, и под дождем, не говоря уж о залах районных дворцов культуры, с их вечными сквозняками и отсырелыми от недостатка отопления фортепиано. Елена Степановна придерживалась мнения, что искусство только тогда ценно, когда у него есть аудитория. Единственно, в чем она была непреклонна, чтобы дети до и после выступления находились в комфортных условиях. Не дай Бог организаторам концерта выделить маленьким хористам неудобное или холодное помещение, а пуще того – не развезти каждого из них по домам после выступления. Местные власти Елену Степановну хорошо знали, как знали, что никакие дыры в бюджете не послужат им оправданием – в случае чего. Поэтому во все времена коллектив у такого руководителя слыл образцовым, дети шли охотно, а родители не волновались за своих отпрысков.

Месяц назад хоровой ансамбль выступал по случаю открытия памятника ко Дню Победы. Присутствовало все городское начальство, приехали, как водится, представители от губернатора и еще какие-то господа с охраной. Должно быть, исполнители были в ударе, потому что слушатели испытали самые разнообразные чувства – от умиления до восторга. Кое-кто из ветеранов даже прослезился, вызывая маленьких певцов на бис.

В результате сразу после праздников Елену Степановну вызвали к мэру их городка Никольска и огорошили: она со своим коллективом едет во Францию, в департамент Жер. Никольск и городок Оз стали побратимами во времена перестройки, и местное начальство охотно ездило туда обмениваться опытом. Правда, никольские жители злословили по этому поводу, что ездят не за опытом, а за арманьяком, которым славились те места. Но город-побра-

тим как раз в июне собирался праздновать какой-то местный юбилей, вот и нашелся повод отправить туда детский коллектив, чтобы поздравить французов.

Все решилось очень быстро. Как оказалось, средства для поездки выделил один из важных гостей, тот, у кого было больше всего охраны. Должно быть, у него имелись важные причины проявить такую щедрость – поговаривали, что он собирается восстановить в окрестностях Никольска комбинат, который прежде кормил всю округу и о котором местные стали уже забывать. Как бы то ни было, вопрос с поездкой решился стремительно, документы оформлены в считанные дни, заказаны билеты на самолет и забронированы гостиничные номера. Мало того, дети в сопровождении взрослых еще провели целый день в Париже, для них были оплачены экскурсии и даже старинные карусели, а потом и кафе с восхитительными десертами. Теперь предстояло подтвердить, что деньги потрачены не зря. Политкорректная Елена Степановна, разумеется, так не сказала вслух, но, судя по ее необычной нервозности, была на взводе. Однако репетицию она затягивать не стала – накануне дети провели большую часть дня в дороге, добираясь из Парижа в Гасконь, и все теперь нуждались в отдыхе.

– Всем спасибо! – как обычно, сказала она, в последний раз округло взмахнув рукой, сжимая ее при этом в сухой кулачок. – Отдыхать, пораньше – она грозно посмотрела на самых бойких девчонок – ложиться спать, лично всех проверю... А после завтрака снова сюда, на последнюю репетицию. Помню. Помню! – повернулась она к переводчице Моник. – В двенадцать часов у нас еще обзорная экскурсия по городу. Потом обед, небольшой отдых и готовиться к концерту. Не забудьте заранее развесить сценические костюмы на вешалки, чтобы отвиселись. Зайду проверю. Пелеринки получите перед самым концертом.

Сценическими костюмами громко называлась простецкая белая блузка с темно-синей юбкой, предусмотрительно сшитые из немнущейся синтетической ткани. Только небольшие пелеринки в синий горох были изготовлены из хорошего шелка, но их полагалось надевать уже на сцене. Детвора оживилась, соскакивая со станков, кое-кто, застоявшись, успел спрыгнуть в зал прямо со сцены, пока бдительная Елена Степановна не пресекла их порыв. Кое-как направив детский ручеек в проход между кресел по направлению к выходу, она повернулась к Ане:

– Ты еще порепетируешь? Мне кажется, темпа во вступлении не хватает. Или сократить бы его, что ли... Затянутое оно, тебе не кажется? Прикинь, что можно сделать. Да, ты телефон оставила в номере на зарядке. Он у тебя разрывался, наверное, Витя названивал.

Отдав распоряжение, она с ловкостью, обнаруживающей многолетнюю привычку, сбегала по крутым ступеням со сцены и умчалась догонять своих подопечных.

Аня кивнула ей вслед и вынула из кармашка нотной папки карандаш. Вычеркнув из нот некоторые фрагменты, она несколько раз проиграла то, что получилось в остатке. Можно было уходить, но Аня медлила. Она скрестила руки и провела ими по предплечьям и плечам, почувствовав, как болят следы от ударов градин. Должно быть, непременно проступят синяки, и надо найти замену приготовленной для выступления белой блузке без рукавов.

Стукнуло сиденье в глубине зала, там, куда не доставал свет со сцены. Аня испуганно привстала с фортепианной скамьи, и увидела, что по проходу между креслами неторопливо идет к ней давешний молодой человек. Он переоделся, сменив джинсы и надев толстый пуловер крупной вязки. Он подошел к краю сцены, одним движением вспрыгнул на нее и подошел к роялю. Парень улыбался и как всегда что-то говорил, на этот раз успокаивающим тоном.

На месте входной двери в зал показалась полоса света – это охранник просунул голову и что-то спросил. Молодой человек ответил ему довольно громко и дружелюбно, на что охранник согласно кивнул головой и закрыл дверь. Парень поманил Аню за собой, указывая куда-то за кулисы. Взяв ее за руку, он сказал:

– Je m'appelle Olivier.

Не понять было невозможно, но Аня невольно растерялась, переспросив:

– Как? Оливье?

Он на мгновение остановился, недоуменно глядя на Аню. Она поспешила назваться:

– Аня. Меня зовут Аня.

Он кивнул, широко улыбнулся, и повел ее через какой-то закуток, включив по дороге тусклую лампочку в пыльном плафоне. Миновав еще несколько невзрачных помещений, он подвел Аню к крутой лесенке, ведущей наверх. Оливье пошел по ней первым, крепко держа руку Ани в своей горячей руке. Лесенка привела на широкий выступ в толстой каменной стене, огражденный металлическими перилами, нечто вроде балкона. Оливье широким жестом обвел открывшуюся панораму городка и его окрестностей.

Уже смеркалось, на улочках загорались цепочки желтоватых фонарей. Среди небольших, плотно поставленных друг к другу жилых домов, по большей части двух-трехэтажных, возвышались собор с колокольней, четко видных в прозрачном небе с загорающимися звездами. Чуть дальше, скорее всего, уже не в черте города, кое-где различались отдельно стоящие группы строений, окруженные полями и виноградниками. А по краю неба то ли клубились облака, то ли виднелись горы. Оливье что-то говорил, вероятнее всего, рассказывал об окрестных местах. Аня послушно смотрела туда, куда указывала его рука, и в который раз по приезде давала себе зарок как следует заняться французским. Вечер стал довольно прохладным, тянуло свежим ветром, особенно заметным на высоте. Оливье, должно быть, тоже почувствовал это, потому что он быстро стянул через голову свой пуловер и набросил его на плечи Ани, скрепив впереди свободные рукава. Аня поблагодарила кивком, но стояла в нерешительности – предстояло как-то дать понять, что ей пора идти. Молодой человек наклонился через перила и показал куда-то в сторону. Аня, вытянув шею, всмотрелась в полутьму.

Слева от них виднелась уже знакомая круглая площадь с остатками стены, крыша гостиницы, а за ними то, что еще несколько часов назад было городским парком. Теперь деревья стояли голые как в середине зимы, аккуратные дорожки и скамейки завалены горами обломанных ветвей и сбитых листьев, небольшие легкие строения – павильоны, киоски – тоже были изломаны и искорежены. Казалось, какая-то злая сила одним движением смела все на своем пути и снова исчезла в никуда.

Снизу послышался уже знакомый голос охранника. Оливье отозвался, разведя руками, показывая, что пора уходить. Они спустились по лесенке вниз, все так же держась за руки. Охранник ожидал их на сцене со связкой крупных ключей на толстом кованом кольце. Он пошел через зрительный зал впереди, о чем-то переговариваясь с Оливье, как старый знакомый. Только на выходе из здания Аня спохватилась, что на ней до сих пор пуловер Оливье. Она торопливо сдернула его с плеч и протянула молодому человеку. Тот с легким поклоном принял пуловер и показал на вход в какой-то подвальчик, из которого доносилась негромкая музыка.

Аня решительно помотала головой, и Оливье, не настаивая, пошел рядом с ней через маленькую площадь к гостинице. Они уже стояли у самых дверей, под ярко светящейся вывеской, когда он о чем-то спросил, показывая не то Ане на грудь, не то на ее шею. Она не сразу поняла, но потом достала из выреза блузки медальон. Вещица выглядела довольно неприметно: тусклая, потертая, то ли немного погнутая, то ли изначально кривоватая. Из-за этого обычно Аня прятала его под одеждой, скрывая от посторонних глаз. Но Оливье смотрел на медальон внимательно, пристально, даже протянул руку, чтобы дотронуться до него, но не решился этого сделать. Аня торопливо кивнула, прощаясь, и вошла в вестибюль. Поднимаясь по лестнице, она обернулась – молодой человек продолжал стоять на улице, глядя ей вслед.

Январь 1798 года, село Никольское

– Жену надобно брать, чтоб была с усестом основательным, плотным... – как бы невзначай проронила старуха над прялкой, метнув внимательный взгляд на молодого мужчину, сидящего в креслах, прикрыв глаза.

– Зачем это? – непонимающе обернулся он к ней.

Старуха сосредоточенно перебирала кудель узловатыми сухими пальцами, и ответила не сразу:

– Дак ведь... Примета верная – коли усест не тощий, не вертлявый, будет хозяйка усердная и бережливая... И рожать легче, опять же...

– Да!.. – усмехнулся мужчина – Тебя только послушай!

Он поднялся, завязал пояс шлафрока, подошел к окну, оперся обеими руками на подоконник, прижался лбом к холодному стеклу. За окном было всё то же, что и накануне: сыпал мелкий снег, ветер наметал сугробы к нижним бревнам людской кухни. Дворник лениво шаркал метлой, выполняя повинность сродни Сизифову труду – через полчаса, много через час, дорожку от барского дома снова заметет. Но раз барин приказал мести снег столько раз на дню, сколько надобно будет, невзирая на многодневную метель, значит, снова придется метлой махать.

– Не прикажешь ли, батюшка, огню подать? Али самоварчик поставить?

– Два часа пополудни только, рано еще. Иначе вечер и вовсе бесконечным покажется – с горечью покачал головой мужчина, снова усаживаясь в кресла.

– Хоть бы метель утихла, так по гостям поездить можно – проронила старуха, искоса поглядывая на барина. – Святки кончились, но для гостей время самое лучшее. Все дома сидят, а где гости, там и разговоры, веселье...

– Веселье... – раздраженно бросил барин, отворачиваясь. – Кончилось мое веселье...

– И-и-и, соколик мой, Алексей Афанасьич, грех тебе, Бога-то не гневи! Ты человек молодой, не бедный, при чинах, при кавалериях, при заслугах... И здоровьем господь не обделил, и собой пригож! А монаршая милость вернется! Помяни мое слово, и года не пройдет, как призовут тебя обратно на службу. Ты думаешь, один тут такой? Вот послушай...

Она замолкла, продолжая сучить пряжу, постукивая по дощаному полу веретеном.

– Чего ж замолкла? – сучливо окликнул ее барин. – Начала, так сказывай...

– Как прикажешь, батюшка, голубчик – степенно склонила голову старуха. – Помнишь ли Зимяниных, у них еще годов десять назад пожар случился? Ну, где тебе знать – ты в отъезде был... Дак вот, сын у них... Да знал ты его, рябой такой, ровно горох черти на личике молотили! Увидал его новый анператор Павел Петрович, и велел сослать с глаз подальше. Дескать, «лик, уныние наводящий». Даже сказывают, поначалу сгоряча в Сибирь отправить велел, но потом остыл – в подмосковную усрал.

– И что? – криво усмехнулся молодой барин. – К чему ты мне это рассказываешь?

– Да ништо... Он долго не кручинился, поездил-поездил по соседям, да и сосватал невесту, у Елецких. На Маланью обрученье пили, а свадьба перед масленой неделей назначена. Полста душ да мельница водяная в приданое...

– Не велико счастье – проронил барин, глядя в одну точку.

– Для кого как, соколик мой! Зимянин энтот, притом что рябой, еще и девятый сын у отца с матерью. Выделили ему на женитьбу родители даже не деревеньку, а хутор в четыре двора, и земля – супесь пополам с болотом. И то девку взял недурную – не старую, не уродливую...

– С усестом обширным – усмехнулся барин.

– Да что ты к слову цепляешься, Алексей Афанасьич! Я все к тому, что ты самую что ни на есть распрекрасную кралю за себя взять можешь, и с богатым приданым. Сам посуди – всех

молодых дворян новый анператор на службу призвал, всех ровно граблями сгребли, а девки-то переставаются! Так что и за рябого, и за хромого родители с радостью отдают. А уж за тебя-то, голубчик мой! Всей у тебя и печали только, что Павел Петрович на круглую шляпу осердился. Другой-то вины за тобой нет, сам знаешь! Верой и правдой служил в этой своей коллегии... как она... Престранных дел...

– Хорошо сказала! – невольно рассмеялся мужчина. – Иностранных и престранных дел...

– Невелика важность, что обмолвилась! – с жаром перебила его старуха. – Ты мозгами-то раскинь, лучше времени для женитьбы у тебя не случится! Сколь годов ты по столицам, по заграницам проскакал, в родные места по три года личика не казал. А сей же час Господь тебе отдохновение послал, покою дал... Вот ты, батюшка, смеяться изволишь, а ничего важнее для людей, кроме семьи, и нетути. Ты в возраст для женитьбы самый наилучший взшел, опять же, невест вокруг море разлитое, без женихов томятся. И приданым пренебрегать не след – у тебя имение хоть и крепкое, а все ж невеликое. Поезди, голубь мой, по соседям, погляди, осмотрись!..

– Так ты ж, Игнатъевна, небось, всех невест уже повидала, знаю я тебя! – усмехнулся Алексей Афанасьевич. – Никого легче тебя на подъем нету. Давай, рассказывай уже... Все равно делать нечего.

– Ну, давно бы так!

Старуха оставила пряжу, пересела к барину поближе и заговорила быстро, словно загодя речь заготовила:

– Невест много, но для тебя подходящих, пожалуй, только одна станет. У Подчегаровых ажно пять девок, одна за другой, цельный выводок, но нам ни одна не годится. Все долговязые, долгоногие, и глаза косые. Чего ты смеешься! Ей-богу, один глаз прямо, а другой к носу глядит. Только и чести, что батюшка генерал-аншеф... У Краснянских одна, но тоже с изъяном. Нет, у ней глаза ровные, и стан такой полненький, кругленький, ровно у гусочки. Так родители не хороши...

– Глаза косые?

– Ты хоть смейся, соколик, да слушай. Батюшка у ней великий картежник, а жена мотовка. Все деньги, что от родителей достались, вчистую просадили! Чего у них только в Красниково не заведено – и олени в пятнушках с великими рогами бродят в загоне, и вода с брызганием, и кусты всяко стриженные, вроде как фигуры... А имение заложено-перезаложено, и за дочью кроме барахла ничего нет. А главное всего, что с дурного поля хороших семян не жди.

У энтих, что сбоку нас Комаровку купили, и вовсе дочка привенчанная. Да знаешь ты, позор на всю губернию случился – у живого мужа жену увозом увезли. Ну, муж у ней был, пил, правда, но до шатания, а как полюбовник жену увез – до валяния пить начал. У этой, прости Господи, парочки, дите народилась, дочка та самая... Законный муж вскоре от пьянства помер, они и обвенчались. Но из добрых женихов к байстрючке никто никогда не посватается.

Супруновы получше будут, но ихнему дворянству без году неделя – при матушке Екатерине из купцов выбились, завод полотняный настроили. Да теперь паруса не особо кому надобны, вот и захирел заводишко... А твоё дворянство столбовое, не чета ихнему.

Видя, что барин досадливо отмахивается, Игнатъевна торопливо продолжила:

– Вся тебе статья к полковнице Щельгиной ехать! У ней две девки – одна дочь, другая племянница. Вот племянница-то нам и надобна!

– Отчего ж не дочь? – поинтересовался, улыбаясь, Алексей Афанасьевич. – Стара, что ли?

– Одногодки они, одной уже семнадцать годов, а другой, племяннице-то, после Благовещенья сполнится. А отчего не дочь – сам поглядишь. Нет, дочь вся при полном параде – и с глазами, и со всем прочим. Но вертуха, каких мало! Должно, мать ее избаловала с малых лет, ни в чем не отказывала. Племянницу строже содержит, у ней и комнатка победней, и из при-

слуги одна горничная девка, и одевает ее поплоче. Сирота она, дочь старшего брата. Марья Спиридоновна, полковница, по себе Мерцанова, вот и племянница, Софья, Мерцанова тож. Ты по заграницам своим разъезжал, когда это несчастье приключилось.

Поехали Мерцановы, отец с матерью, в страстную неделю в дальнюю деревеньку, уж не знаю, какая надобность в такое время в путь их стронула. Случилось им реку переезжать, а лед уж посинел, оттепель стояла. Им бы до моста крюк сделать, да кучер обнадежил, что переправа крепкая. Вот на самой середине лед и подломился под лошадыми, а они сани за собой утащили. Кучер, подлая душа, выплыл, а седоки оба-два на дно ушли – не успели из-под полсти выпутаться. Полсть тяжелая, медвежья, со всех сторон подоткнута. Мужики берегом ехали – видали, а помочь не успели. Так Софья осиротела да к тетке и попала.

Живут в Щелыгино на широкую ногу, окна большие, даже сени стеклянные. В дому тоже богато – зеркала кругом, лампы, вазы порцелинные, потолки высокие, расписные.

– Ты и дом осмотреть уловчилась?

– А как же, батюшка, время коротала, тебя дожидаячись. Еще по-теплому к щелыгинской ключнице наведывалась – квас она умелица отличный квасить, из белых сухарей с изюмом да с померанцевыми корочками – шипучий да вкусный, что твое французское вино. Так ключница мне потихоньку все и показала – и дом, и двор, и сад. Только сад мне не глянулся – всё дерева саморослые, несоженные, без порядку, без строю, а так ничего, чисто, и трава стрижена.

– А, это английский парк называется, сейчас в Европе такую моду имеют.

– Уж как по мне, в Красниково лучше – все ровно по ниточке, да еще и с водотечением... Зато есть еще у полковницы зимний сад, и померанцы, и эти... как шишки колючие...

– Ананасы?

– Вот, они самые! Так поедешь? Поезжай, голубчик, и развеешься, и на людей посмотришь. У них сейчас народу много, все местные женихи к полковнице ездят. И Зимянин энтот, рябой, тоже спервоначалу туда зачастил, но быстро понял, что ему там не след.

– Ну, вот, а я чего туда поеду?

– Сравнил сокола с сизой пташкой! Марья Спиридоновна на женихов сурово глядит. У ней старший сын в столице в гвардии служит, деньжищ на его содержание издерживается – страсть. Так что ей не след приданое из рук выпускать, особливо племянничино. У той от матери большое имение досталось, но больно далече, сказывают, в каких-то новых губерниях. Вот и сторожится Марья Спиридоновна женихов, а сама скучает, ежели гости долго не ездят. Тебе она рада будет, уж присылала к нам своего управляющего за копытной мазью.

– И что ж такого? – удивился барин.

– Управляющего! За копытной мазью! – старуха покрутила головой. – У них конюшня в разы поболее нашей, и коновал свой имеется. Ну, напоила я чаем энтото Филипенка, хохол у них в управляющих... Всё о тебе расспрашивал – да как, да зачем, да отчего ты дома оказался. Рассказывал, что к Святкам горку катальную у них во дворе выстроили, что вин закупили и всяких яств иностранных – как их... Труфли, что ли...

– Труфели? – хмыкнул барин. – Неужели?

– Ну, может, и путаю чего... Но намекал хохол, что у них могут принять и гостей, что к тонкой кухне привычны – знают, что ты по иным странам немало езживал.

– А как у нее, у девицы, с этим... ну, как ты там сказала? – совсем уж засмеялся молодой барин.

– Все у ней как следует – не унималась ключница. – Не хуже, чем у той, что в твоём кабинете на столе стоит, из белой кости выточена...

– Статуетка грации? Ты что же, через платье все разглядеть могла?

– Да какие нынче платья, срам один... Ночные сорочки, и те скромней прикрывают – проворчала Игнатьевна, но смотрела на барина с надеждой: – Так что не сомневайся, батюшка

Алексей Афанасьич, ждут тебя в Щелыгино не дождутся. Я и хохлу сказала: как метель утихнет, ты по соседям поедешь с... как их... поклонами, ай нет?

– С визитами... – вздохнул барин. Помолчал, кистями на поясе поигрывая, и пожал плечами: – Отчего же не поехать? Все одно заняться нечем.

Июнь 201... года, департамент Жер

В номере, куда Аню поселили на пару с Еленой Степановной, на одной из кроватей раскинулось длинное концертное платье, а на коврике стояли лакированные туфли. Самой руководительницы хора в комнате не оказалось, но откуда-то доносился ее звучный голос. Аня присела на другую кровать и устало положила ноты на колени. Что-то еще нужно сделать, из неотложного – ну да, вот и телефон. Отключив зарядное устройство, Аня просмотрела входящие звонки. Оборвал телефон – это громко сказано, но два звонка от мужа значились среди неприятых. До этого они переговаривались еще в Париже.

– Привет, а ты почему звонил? Я же обещала, что вечером сама тебя наберу. Что-нибудь случилось?

– Да нет, просто хотелось тебя услышать. У тебя все в порядке?

– Конечно. Мы уже на месте, в гостинице. Завтра выступление, и...

– Ладно, не надо, потом все расскажешь. Целую тебя!

Аня озадаченно положила мобильник. На Витьку это никак не похоже. Он всегда, сколько его знала Аня, был сдержанным, спокойным, даже невозмутимым. А знали друг друга они с самого детства – жили на соседних улицах, ходили в одну школу, только Виктор на пять лет старше нее. Неужели почувствовал, да еще на таком расстоянии, что у нее беспокойно на душе? Она встала, положила ноты на туалетный столик с зеркалом, задержалась взглядом на своем отражении. Сняла блузку, посмотрела на медальон.

Как этот Оливье смог его заметить? Ну как же, у него такая возможность имелась. В те бесконечные минуты, когда он подхватил ее на руки и прижал к стене, закрывая от града, лицо его оказалось на уровне ее груди. На уровне! Какое там на уровне, если сама Аня обхватила его голову руками изо всех сил. Как только он не задохнулся! Но нет, не только не задохнулся, но еще и успел разглядеть медальон.

– Наконец-то, я уже тебя разыскивать хотела. Телефон твой здесь, а ты прямо пропала. Что так долго, мы уже поужинали... Спустись в ресторан, здешняя кухня – это что-то! Даже по сравнению с парижской. Не хочешь? Точно? – с недоверием переспросила руководительница хора. – Давай я тебя хоть чаем напою.

Елена Степановна сноровисто, выказывая многолетнюю привычку к частым переездам, достала из своего багажа кипятильник, толстую фаянсовую кружку, пакетики с чаем и какие-то печенья. Расставила все это на предусмотрительно захваченную льняную салфетку и посмотрела на Аню:

– Ты чего это с лица спала? Волнуешься? Ничего, все путем пройдет. Без волнения в нашем деле нельзя. Пей, а то вся в пупырышках. погоди, что за синяки у тебя на руках?

– Градом немного зацепило – неохотно пояснила Аня.

– Ты не простынешь? Давай таблетку дам – потянулась хормейстер к своей необъятной сумке.

Аня затрясла головой, взяла кружку с чаем, присела за туалетным столиком.

– Ладно, пей и под горячий душ. Потом ложись – я хотела тебя попросить помочь детвору спать утлочь, но сама справлюсь. Родительниц попрошу, не откажут.

Аня уже лежала под одеялом на непривычной, чересчур мягкой кровати, когда Елена Степановна вернулась.

– Ты не спишь? Переводчица сказала, что для нас планировался на послезавтра праздник в городском парке, специально, представляешь? А парка теперь у них, считай, нет. Жалко, говорят, даже фейерверк собирались запустить, и клоунов заказали. Теперь без клоунов останемся.

Аня кивнула, прикрыв глаза. Дрожь не утихала, но с обычным состоянием перед простудой сходства не наблюдалось никакого. Обмануть себя было невозможно – перед глазами стоял этот парень, Оливье. Мокрое лицо, растрепанные темные волосы, скулы, слишком заметные для европейца. А их, как и представителей других рас, за последние сутки пронеслось перед глазами многие тысячи. День, проведенный в Париже, запомнился не столько достопримечательностями, знакомыми по фильмам, картинам и клипам, сколько невероятной толчеей и сученностью. Тем удивительнее показалось почти абсолютная безлюдность здешних мест.

По дороге из Тулузы по сторонам тянулись бесконечные поля, виноградники, холмы под высоким небом с белыми облаками. Городки мелькали через каждые несколько километров – каменные дома с узкими окошками, непременно со ставнями, почти всегда синего цвета, с кустами цветущих диких роз у потертых каменных ступеней при входе. Маленькая круглая площадь, парочка зданий повыше – как правило, собор и мэрия, и всё, дальше снова поля и виноградники. Часто вдалеке от дороги мелькали башни строений, похожих на замки. Они выглядели особенно уютно, увитые чем-то вроде плюща, мирные, приземистые от времени, в окружении не крепостных стен, а всё тех же виноградников.

Переводчица Моник, девушка примерно Аниного возраста, с невероятным количеством вьющихся темных, без блеска, волос, встречавшая их группу еще в аэропорту Шарль де Голль, всю дорогу не выпускала из рук микрофон:

– Эти места в прежние, стародавние времена, носили название Окситания. Это была большая страна, занимавшая почти весь юг Европы. Сюда входили не только французские земли, но и территории, которые сейчас принадлежат Италии и Испании. Вначале здесь владычествовали римляне, потом пришли баски, которые и дали здешним местам название Гасконь, потом их сменили вестготы. Тысячу четыреста лет назад сюда пришли короли франков, но Гасконь столетиями сопротивлялась, отстаивая свою самостоятельность. В 1039 году Гасконь вошла в состав Аквитании, крупного и могущественного государства. После того, как знаменитая Алиенора Аквитанская вышла вторым браком за английского короля, Гасконь на целых три века попала в прямую зависимость от Англии, что послужило одной из главных причин Столетней войны. Алиенора...

– Прошу прощения, Моник! – негромко, но убедительно прервала ее Елена Степановна. – Дети все равно спят, а мы это перед отъездом на всякий случай читали. Вы нам лучше скажите, отчего людей совсем не видно. Городки за городками, один за другим, а никого, почитай, нет. И дороги почти пустые.

– Департамент Жер, куда мы направляемся, самый малонаселенный во Франции. Людей у нас в самом деле немного, да и те все на работе. Вот вечером, когда стемнеет...

– А в городе, куда мы едем, сколько народу?

– В городе Оз около четырех тысяч.

– У нас в Никольске и то двадцать четыре! – подал голос Вадик Стрешнев, показывая, что не все дети спят.

– Что вы, у нас даже в главном городе, Оше, двадцать пять тысяч. Но разве это так важно? Посмотрите, как у нас красиво!

– Никогда не думал, что во Франции столько подсолнухов – пробурчал Вадик, сворачиваясь клубком на сиденье и укладывая голову на колени своей маме. – Мы в Анапу ехали по такой же дороге...

– Вадька, ты вечно недоволен – упрекнула его мама. – Тебе и Париж не понравился.

– Нет, а чего они нам карусель подсунули, как маленьким? Лучше бы в Диснейленд свозили, я в интернете смотрел, самый большой в Европе.

– Спи уже, эксперт. Моник, в самом деле красиво, вы его не слушайте, он у нас всегда ворчит, как старичок.

А вот Ане карусель как раз понравилась – старинная, круглая, светящаяся цветными огнями, с музыкой, похожей на шарманочную, с лошадками, рассчитанными скорее на взрослых. Наверное, так чудесно приехать в Париж вдвоем – побродить по улочкам, найти те, где меньше туристов, посидеть за столиками уличных кафе, постоять на мостах через Сену...

Она лежала с открытыми глазами, слушая сонное дыхание Елены Степановны и звуки незнакомого городка. С кем ей хотелось побродить по Парижу, она и сама теперь не знала. Надо хотя бы самой себе сознаться, что ожидала чего-то подобного. Ведь медальон-то она перед отъездом надела...

На следующий день Аня ожидала перед гостиницей во главе всего состава хора. Состав подпрыгивал, толкался, пересмеивался, в общем, веселился, как хотел. Отсутствие Елены Степановны не могли восполнить ни Аня, ни двое других взрослых – в лице мамы Вадика и Лизы. Хормейстер отправилась с визитом к мэру, поручив проследить за детьми во время экскурсии. Подошла запыхавшаяся Моник, и нестройная, галдящая компания двинулась по площади.

– Вы видите остатки одного из строений, сохранившихся со времен основания римлянами поселения Элоза, от которого, собственно, и ведет свое происхождение наш город Оз.

– А «Волшебник из страны Оз» – это про вас написано? – выкрикнул Вадик.

Моник смешалась, не сразу поняв, о чем речь. На Вадика со всех сторон зашикали, но она попыталась ему ответить:

– Нет, это просто наш город Оз...

– А зачем на этой развалине крыша? Ведь там почти ничего нет, просто кусок стены, и всё!

– Этот навес предохраняет от разрушения древнюю кладку, ведь это остатки постройки еще времен Римской империи!

– Кривая такая... – скептически процедил Вадик, не обращая внимания на то, что мама дергала его за руку.

Аня замерла, глядя на сырые камни, не просохшие со вчерашнего дня. Вот выступ, где она пыталась спрятаться, вот туда бросил ноты Оливье, перед тем, как подхватить ее на руки. Она почти почувствовала, как хлещут по рукам бесчисленные градины, как тепло дышит ей в грудь Оливье. Спыхватившись, она двинулась вслед за экскурсантами.

– Похоже, мой текст не имеет успеха – улыбаясь, заметила Моник. – Мне раньше не доводилось работать с детьми.

– Да вы не обращайтесь на них внимания! Или просто расскажите что-нибудь другое, наверняка есть о чем – попыталась ободрить ее мама Лизы. – Скажите, Моник, правда, что д'Артаньян родом из этих мест? И памятник ему есть?

– Да, только не у нас, а в Оше, главном городе департамента – оживилась Моник. – После того, как королем Франции стал легендарный Генрих IV, многие дворяне оставили Гасконь и отправились, как тогда говорили, завоевывать Париж. Многим это удалось – личная гвардия Генриха, или как его чаще называют, Анри IV, а потом и его сына, Людовика XIII, состояла по большей части из гасконцев.

– Ну, вот, даже Вадик уши наострил! Про это вы нам и расскажите.

– С удовольствием, только еще одна подробность – мне бы ее очень не хотелось упустить. Римского легионера, которому за службу были пожалованы здешние земли, звали Германиус. На местном наречии его имя стали произносить как Арминиус, а со временем добавился суффикс «ак», что означает «владелец», вот так и получился Арминиак, а потом уж Арманьяк. Так стали называть один из городов, который дал название всей местности, а потом и знаменитому напитку. Только, действительно, пока вы не стали взрослыми, вам это не слишком интересно!

После экскурсии Аня, отпустив своих хористов зайти к себе в номера перед обедом, остановилась с Моник перед гостиницей.

– Жаль, что их еще не занимает, на мой взгляд, главное – сказала Моник в ответ на Анину благодарность. – Группам, которые приезжают на дегустацию арманьяка, я тоже не рассказываю то, что мне самой больше всего нравится. Знаете, Аня, я в университете очень увлекалась поэзией трубадуров, а самые первые трубадуры появились как раз здесь, в Аквитании. Простите, я знаю, что вам надо торопиться, но мне кажется, вам это тоже интересно. Значит, я угадала! – обрадовалась Моник, видя, как Аня кивнула. – Может быть, у нас еще будет время об этом поговорить. Для вас запланирован сюрприз, надеюсь, вам понравится!

Вечером, перед концертом, Аня выглядывала из-за кулис вместе с мамой Вадика.

– Ничего себе, сколько народу! Я уж и вправду думала, что городок вымер, а вот на тебе! Полный зал! Да солидный народ, дамы такие принаряженные... Особенно в первом ряду.

Началось выступление. После проблемного попури Аня чуть расслабилась и успокоилась. Дальше должно быть проще, и слушают хорошо. Еще несколько произведений, и гвоздь программы, «Соловушка», где солирует Вадик. Не зря терпели его въедливый характер, тембр голоса у него поистине ангельский. Теперь всё, волноваться не о чем. Малышка Лиза с чудесными кудряшками, зажигательная песенка «Горошинка, горошинка», маленькая корона принцессы на её головке. Гром аплодисментов. Теперь комплимент зрителям – разучивали перед самым отъездом, пели даже в автобусе. Старинная песенка-канон на французском языке, а *capella*, без сопровождения.

Аня встала из-за рояля, подошла к детям, пристроилась позади них, включилась в общее пение. В первый раз после начала концерта она смогла посмотреть в зал. И на самом краю первого ряда, у стены, она сразу увидела Оливье. Он поймал ее взгляд, слегка поклонился. В отличие от действительно принаряженных зрителей первого ряда он сидел в той или такой же темно-серой футболке, что была на нем под пуловером вчера вечером.

Потом еще и еще пели на бис, кланялись снова и снова. На сцену заторопился господин в тесноватом смокинге, его сопровождала переводчица Моник. Она представила его как мэра города, зрители зааплодировали уже ему, и перед тем, как начать говорить, он несколько раз подвигал вверх-вниз огромными седыми бровями. В зале раздался смех, который прервался, когда мэр заговорил.

– Я возьму на себя приятный труд поблагодарить наших очаровательных гостей за прекрасное выступление. Нам очень хотелось отблагодарить юных артистов и их руководителей – тут он ловко наклонился и поцеловал ручку зардевшейся Елены Степановны под одобрительные аплодисменты. – Но в наши земные дела вмешалась небесная сила, к сожалению, не к лучшему. Городской парк практически уничтожен, и праздник для наших гостей, а также и для нас самих едва не оказался под угрозой срыва. Но... – мэр сделал значительную паузу и снова пошевелил бровями под смех зрителей – один из наших именитых граждан сделал нам всем замечательный подарок. Праздник состоится, и состоится он в замке Фезензак! Туда мы завтра и приглашаем наших маленьких артистов!

Он снова поцеловал обе ручки у Елены Степановны, отпустив фразу, которая вызвала громкий смех в зале, а Моник переводить ее не стала, смеясь вместе со всеми.

Дети начали покидать сцену под громкие аплодисменты, Аня задержалась, пропуская их вперед. Невольно взглянув в сторону Оливье, она увидела, как он, воспользовавшись тем, что на него никто, кроме Ани, не смотрит, отвернулся и задрал на себе футболку. Его голая спина была сплошь покрыта синяками и кровоподтеками разного размера и цвета. Через мгновение он, как ни в чем не бывало, развернулся обратно и улыбнулся широко и безмятежно.

Весь оставшийся вечер и добрых полночи Аня пыталась уговаривать себя, приводя самые разумные доводы, что приходит в волнение не от чего. Что в каждом городе есть такой вот

очаровательный оболтус, которому явно нечего делать, которого все знают и который знает всех. Конечно, не каждый вот так ринулся спасать совершенно незнакомую девушку, прикрывая собой от града. Но ведь никто не знал, что это будет не просто дождь с градом, а настоящее светопреставление! В конце концов, у них в Никольске тоже есть такой вот Колясик, который целыми днями ошивается по городу, не пропуская ничего мало-мальски интересного!

Вспомнив про Колясика, Аня мысленно возмутилась, запутавшись окончательно. Сравнить Оливье с начинающим алкашом из Никольска было невозможно, как невозможно заставить себя не думать вообще.

Январь 1798 года, имение Щелыгино

– Премного благодарна за визит, Алексей Афанасьевич! Порадовали вы нас, провинциалов, что не погнушались гостеприимством нашим... – пышная, свежая дама одной рукой страусовыми перьями обмахивалась, а другую для поцелуя подставила, пухлый пальчик оттопырив. – А ведь мы с вами видались прежде... Ну, где же вам припомнить! Вы еще в первой юности пребывали, только-только в пансион поступили. Приезжали на свадьбу батюшки вашего... А мы с мужем тогда только что поженились, и тоже званы были по-соседски. Позвольте представить мою единственную дочь – Poline, поздоровайся с господином Тиличевым... Можешь идти... Она у меня совсем еще дитя, так смущена вашим появлением! – Марья Спиридоновна ловко просунула ручку под локоть гостя, приглашающе кивнув на штофный диванчик в углу гостиной.

Игнатъевна выказала себя истинной провидицей: дом у полковницы Щелыгиной оказался именно таков, как она расписывала. И гостей собралось уже не менее десятка, а ливрейный пудренный лакей все продолжал выкликать имена приезжающих, по большей части мужские. Гости переходили с места на место, кланяясь издали хозяйке, подходили к ручке Poline, перебирающей ноты у рояля. Вопреки утверждению матушки, она не выглядела ни смущенной, ни стесненной, а пунцовый цвет щек, возможно, объяснялся румянами.

– Скучаете в здешней глуши, господин Тиличев? – участливо спросила Марья Спиридоновна. – После просвещенной Европы наше провинциальное болото вам и вовсе убогим кажется?

– Просвещенная Европа ныне куда ближе к варварству, чем Россия, хоть бы и до Петра. Головы рубить нынче устали, зато воевать начали – все со всеми.

Сказав это, Алексей Афанасьевич помрачнел так явно, что хозяйка посчитала возможным задать вопрос:

– Неужто правду говорят, что вы, господин Тиличев, так пеклись о несчастной аристократии французской, что навлекли на себя гнев государя?

– Дело вовсе не в моих симпатиях или напротив... Дело в шляпе – пожал он плечами, уголком рта дернув неожиданно выскочившему каламбуру. – О том, что его величество Павел Петрович не выносит нынешних мод, и за границей наслышаны. Знал и я, когда из очередной поездки по служебной надобности в столицу воротился. Приходилось весьма спешить с доставкой важного документа, вот и приехал в Петербург раньше, чем мой багаж прибыл. Одет был по европейской моде, и шляпу круглую имел. Старался главные улицы стороной обходить, но на беду его величество переулками проехать изволили, там-то я ему на глаза и попался...

– И мы наслышаны о таковых порядках! Сын мой, гвардии подпоручик, писал недавно, что государь навещал их полк, и недоволен остался мундирами – пенял, что сукно чересчур тонкое, дорогое. Пришлось спешно новый мундир заказывать, а портных дел мастера ныне работой завалены, дорожатся сверх всякой меры. Вышел мундир толстого сукна куда как недешево, стоит больше, чем прежний. Позвольте на минутку вас оставить, надобно по хозяйству распорядиться – почти грациозно поднялась хозяйка и посеменила мелкими шажками, улыбаясь и кланяясь прибывшим гостям.

– Не имею чести быть знакомым с вашим превосходительством, но коли дражайшая Марья Спиридоновна так отметила нового гостя, стало быть, вы действительно важная персона.

Вставший при уходе госпожи Щелыгиной Алексей Афанасьевич обернулся. Рядом с ним оказался дробненький старичок в пудреном парике, в старомодном кафтане и с припомаженными морщинистыми щечками.

– Рекомендую себя сам, на правах друга дома: коллежский ассессор Мордюков, здешний обитатель. А вы, стало быть, Алексей Афанасьевич Тиличеев, новая звезда этих богом забытых мест?

– Рискую показаться невежливым вдвойне: вы, господин Мордюков, возвели меня в звание превосходительства совершенно напрасно. И места сии, к первопрестольной столице, Москве, недалекие, зря так унижаете. Я немало губерний в России видывал, и, поверьте, эти земли далеко не в последних станутся.

– Приятно слышать, господин Тиличеев! Наслышаны мы, что вы не только Россию успели повидать, но и иные страны – государства. Тем ценнее, что родные места для вас дороги остались. Также чрезвычайно рад, что наружность ваша столь благородна и привлекательна, это очень кстати...

Тиличеев открыл было рот, чтобы осведомиться, для чего это незнакомому человеку понадобилась его наружность, но промолчал. Мало ли таких старичков в истрепанном платье таскается по всем домам и говорит любезности в надежде и дальше получать приглашения к обеду. Старичок, однако, взглядом нового знакомого не смутился:

– Сомневаетесь, сударь, в моей близости к уважаемому семейству? Смущает вас, что мой кафтанишко давно строен и поистрепался, как и я сам, грешный? Нет, милостивый государь, я человек в сей местности нужный и по-своему известный, а вид мой проистекает оттого, что приходится изо дня в день в дороге находиться. Я многие семейства близко знаю, и многих и тайн, и сведений хранитель. Это же семейство особенно люблю, и бываю здесь охотно, ибо истинную отраду очам своим нахожу. Две девицы прелестных, и образованы на диво. Роялю здесь не форсы ради поставили, и французскому языку обе учены. У Марьи Спиридоновны старичок-француз много лет живет, он еще со времен кроткия Елисавет в Россию въехал. Сейчас уже уроки девицам не дает, и сам старенек, и ученицы выросли. Так только, приходит каждый день на родном языке поговорить, и на свежие личики полюбоваться. Живет в особом флигельке с полным сервизом – дрова, свечи, уксус...

Однако ж, отчего только Полинька к гостям вышла? А Софьюшка, отрада очей моих, куда ж подевалась? Неужто больна? Пойду поразведаю...

Старичок поклонился пудреной головой, отставил потертые локти и заспешил к боковой дверке. У рояля слышался смех, какой-то немолодой, но вальяжный красногубый господин с выпуклым брюшком басовито гудел на ушко Полиньке что-то такое, от чего она запрокидывала, смеясь, кудрявую темноволосую головку, показывая беленькую, полную шейку. Показалась Марья Спиридоновна, успевшая сменить платье и перо в волосах, и Полинька отвернулась, все еще посмеиваясь. Марья Спиридоновна одним взглядом окинула свою гостиную, поклонилась вновь прибывшим гостям, и снова заторопилась к Алексею Афанасьевичу, оправляя кисейный шарф на круглых плечах.

– Позвольте, господин Тиличеев, познакомить вас с моими гостями... – она слегка, но настойчиво потянула его к центру гостиной. – Отставной ротмистр Нежданов... Титулярный советник Колобродов... а это, прошу любить и жаловать, верный друг нашего дома, Семен Порфирьевич Берко-Беркович.

Марья Спиридоновна протянула ручку тому самому красногубому толстячку, милостиво ему кивнув. Представив ему нового гостя, она взяла их руки и многозначительно соединила, слегка тряхнув. – Надеюсь, вы станете добрыми друзьями и моей опорой!

Оставив нового гостя в некотором замешательстве, хозяйка захлопала в ладоши:

– Господа, вы сейчас услышите совершенно новую пьесу, сочинение никому еще не известного венского композитора, Бит... Как, Poline? Бетхоовена, самоновейшая музыка!

Полинька, не тушуясь, села за рояль, и заиграла бойко и смело, быстро перебирая по клавишам ловкими пальчиками.

– Рояль, вместо старых клавикордов, нам только к Рождеству доставили – доверительно поделилась Марья Спиридоновна, став рядом с Тиличевым, и неприкрыто любуясь дочерью. – Еще год назад заказывали, но теперь уж девочка моя не будет жаловаться, что клавиатур слишком короткий для нынешней музыки. Обратите ваше внимание, как на самых краях звучит, просто мурашки по спине! Я, Алексей Афанасьевич, дочери все самое лучшее даю, что только могу доставить в нашей глуши. И музыке ее учила, и языкам, как бы меня здешние кумушки не порицали – дескать, зачем девице учение. Ан пришли другие времена, и для семейной жизни не только грибы солить уметь надобно. Но каких бы широких взглядов я, как мать, не придерживалась, нравственность для меня – первостатейное дело. Моя Poline в иных делах сушее дитя, вы просто не поверите!

– Тогда можно ей доверять исполнять произведения господина ван Бетховена. Мне приходилось наблюдать в Вене, как иные дамы при слушании его музыки впадают в такой восторг, что его сравнивают с неким состоянием... как бы это сказать... Незнакомым для юных невинных девиц!

Алексей Афанасьевич, мысленно ругая себя за колкость, тем не менее с легким злорадством наблюдал, как Марья Спиридоновна густо наливается багровой краской.

– Вы... шутить изволите, сударь? – пролепетала хозяйка, незаметно для себя прикасаясь к горящему малиновому уху. – Иначе как понимать ваши слова?

– Простите, сударыня, что смутил вас. Но впечатление, производимое на слушателей музыкой ван Бетховена, столь велико, что...

– Как тогда в приличных домах позволяют исполнять такое... такую... Нет, что же это на свете творится! Музыка, самое невиннейшее из искусств, и... Нескромные романы можно припрятать, слишком смелые рисунки и картины убрать с глаз долой, покуда девицы замуж не выйдут, но как в нотах разобраться?!

– Прошу простить, сударыня, что я посмел беспокоить вас. Пиеса, что так прелестно исполняла ваша дочь, не что иное, как обычный контрданс; я имел в виду другие, более смелые произведения этого автора. Мне приходилось слышать в Вене выступление молодого Людвиг ван Бетховена – это по впечатлению настоящая буря в открытом море.

– Все-таки, значит, в приличных домах слушают этого... он голландец? Ах, неважно! – успокаиваясь, проговорила Марья Спиридоновна. – Как, вы уж откланяться желаете? Непременно обещайте мне быть у нас снова как можно скорее. А лучше всего... – она заговорщически приблизила губы к уху гостя – приезжайте завтра, можно днем, по-свойски, запросто... Я понимаю, здесь много людей, которые вам неинтересны, а я, как хозяйка, должна всем уделить внимание, всех обласкать. Но завтра... Никто мне не помешает насладиться вашим обществом, я и моя девочка будем слушать ваши рассказы о дальних странах, о знаменитостях, с которыми вы знакомы! Нет, нет, и слушать не хочу, вы возражаете из скромности! Итак, до завтра, любезный Алексей Афанасьевич!

Июнь 201... года, департамент Жер

– С запада, с Атлантики, сюда в Гасконь поступает холодный воздух. Если вы присмотритесь, то обязательно заметите, что все здешние постройки обращены на закат глухими стенами. Это защищает от холода и ветров. Даже в конце апреля случаются заморозки, что очень опасно для винограда.

Моник сидела, как обычно, на первом сидении автобуса и не теряла надежды хоть немного просветить экскурсантов.

– Другое опасное время наступает, когда начинают смешиваться горячие и холодные потоки воздуха, тогда выпадают короткие, но сильные дожди с градом, как тот, что прошел недавно. Только обычно это происходит в конце лета, а в июне град большая редкость. Тем более такой сильный. Хорошо еще, что он прошел узкой полосой, в основном над городом, и виноградники не пострадали.

– Тут, наверное, зимой хорошо на ватрушках кататься – подал голос Вадик Стрешнев. – Столько классных горок!

– Что вы, снег здесь выпадает раз в несколько лет, и это одно из самых больших бедствий, какое может постигнуть виноградарство...

– И что ж тут зимой делать? – не успокаивался Вадик.

– Зимой здесь дожди, а кататься можно на горнолыжных курортах, в Пиренеях их достаточно...

Вадик отвернулся, показывая своим видом, что здешние места окончательно потеряли для него интерес.

– Замок, куда мы направляемся, один из самых больших в округе. Он неоднократно перестраивался, но сохранил основные сооружения, характерные для классической замковой архитектуры. Только защитных стен у него нет – Моник, опережая реакцию Вадика, обернулась к нему, но он только пожал плечами. – Стены были разобраны местными обывателями после революции 1789 года.

– Разрушили, как Бастилию? – подала голос мама Вадика.

– Ну, не совсем... Во время большого террора многие из Фезензаков пострадали – кого-то отправили на гильотину, но большинство остались живы, хотя провели многие годы в изгнании. Вот в это время местные жители и разобрали стены. Часть камня пошла на постройку моста через реку, другую раздробили и замостили заново городскую площадь и часть улиц. После реставрации, когда аристократы смогли вернуться на родину, один из Фезензаков даже стал министром при дворе короля Людовика XVIII. Но некоторые из бывших владельцев так и пропали без вести в эмиграции.

Сейчас замком владеет боковая ветвь, де Желас де Фезензак. Несколько поколений назад эта семья основала торговый дом, который производит и продает один из лучших арманьяков.

Мы как раз едем на праздник, посвященный юбилею одного из важнейших для здешних мест документа, подлинник которого много столетий хранится в Ватикане. Он посвящен описанию удивительного напитка, изобретенного в этих местах. Ну, об этом взрослые еще много раз сегодня услышат, а для детей запланирована более интересная для них программа. Подъезжаем!

Аня запахла светлый палантин, который пришлось набросить поверх цветастого платья с пышной юбкой. Платье нарядно смотрелось и без палантина, но оно оставляло на виду руки, покрытые синими пятнами до самых плеч. Замок с башнями, со множеством разнокалиберных строений из светлого камня стоял на косогоре посреди обширной поляны, покрытой аккуратно подстриженной газонной травой. Под большими разноцветными зонтами уже стояли небольшие круглые столики под клетчатými скатертями, толпились нарядно одетые люди

и откуда-то слышалась музыка. Навстречу детям побежали пестро разряженные клоуны, уводя их к отдельным столам, украшенным воздушными шарами.

После того, как прибывшие разместились под зонтами, встал и успокаивающе замахал рукой уже знакомый мэр. По традиции вызвав смех, подвигав вверх-вниз седыми кустистыми бровями, он начал зачитывать какой-то документ. Моник послушно переводила, обернувшись к столу с взрослыми россиянами.

– Напиток этот снимает красноту глаз, обостряет зрение. Избавляет от шума в ушах, от головокружения, от мелькания в глазах. При частом втирании помогает при болях в суставах, особенно коленных. Хорошо помогает при подагре и бледной немочи. Улучшает память, вострит ум, развязывает язык. Облегчает засыпание и дает веселые, приятные сны. Человек робкий при регулярном умеренном применении становится смелее...

– Мою аптечку можно выбрасывать к чертовой бабушке – шепнула Елена Степановна, наклонившись к Ане. – Я полагаю, это все про тот же арманьяк. Уж скорее бы попробовать дали!

Чтение продолжилось, подтвердив правоту предположений Елены Степановны. Праздновали юбилей того самого документа, что хранился в Ватикане.

– Сейчас бы это назвали рекламой лекарственного средства... А что, ничего, очень даже! Сколько там, сорок болезней вылечивает? Проверим!

Она привстала, чокаясь бокалом с подошедшим мэром и обмениваясь поклонами с другими гостями. Мэр наклонился над рукой Ани и что-то сказал. Моник перевела:

– Господин Мартен говорит, что никогда в жизни ему не приходилось видеть такой красивой девушки. Он полагал, что они существуют только в кино или в рекламе.

Гости засмеялись, мэр поцеловал Анину руку и ушел, сорвав очередные аплодисменты.

– Как вам наш любимый напиток? – поинтересовалась Моник. – Рада, что вам понравилось. Пробуйте угощение, в Гаскони лучшая кухня во всей Франции.

Аня понемногу освоилась, оглядываясь по сторонам. Должно быть, местный напиток действительно обладал кое-какими из перечисленных свойств. Солнце повернуло на закат и теперь столики оказались в тени, отбрасываемой постройками. В воздухе стоял запах скошенной травы и дикой розы, кусты которой густо облепили все замковые строения. Аня потрогала старый медальон, который сегодня не стала прятать под одеждой. При известной доле воображения его стертые, слегка погнутые лепестки можно было сравнить с цветками дикой розы.

– Пойду к детям наведаюсь – поднялась Елена Степановна. – Эх, найти бы какого старичка из местных, да поселиться здесь, и ничем не интересоваться, кроме погоды и видов на урожай! Не надо, посиди, я сама управлюсь – обернулась она к Ане, уходя.

Аня поправила на плечах палантин. Потом обернулась в сторону построек и слегка вздрогнула: на верху небольшой каменной лесенки, заросшей все тем же кустарником с цветущими розами, стоял Оливье и чуть смущенно улыбался. Он спустился, непринужденно поклонился и подал руку Ане, приглашающе куда-то показывая.

Она оглянулась на гостей – в их с Оливье сторону никто не смотрел, все слушали очередной тост, с готовностью поднимая свои бокалы. Оливье что-то сказал и взял Аню за руку, уводя к башне, на вид более старой, чем другие постройки. Обойдя крупные, неровно обтесанные камни, замшелые у основания, он первым вошел, отворив неприметную дверцу из темных некрашенных досок. Наверх вела крутая каменная лестница с изрядно потертыми ступенями, неровными и узкими. Лестница изгибалась, закручиваясь в спираль, заставляя прикасаться к прохладным шершавым стенам, в которых через равные промежутки были закреплены кривоватые, кованые вручную железные кольца, тронутые ржавчиной. Должно быть, прежде сюда вставлялись факелы – кое-где различались следы копоти. Становилось все темнее, пока Оливье не нашарил старомодный выключатель с тянущимися к нему толстыми старыми электрическими проводами, проложенными поперек каменной кладки. Еще один-два поворота по лест-

нище, и она закончилась, выведя на просторную площадку, превращенную в комнату. Пол и потолок были защиты широкими досками, которые при ходьбе слегка прогибались. Через узкие окна-бойницы скупо проникал солнечный свет, освещая небольшой стол с компьютером, деревянную полку с книгами на стене и множество других книг, которым не хватило там места. Они лежали стопами на полу, в оконных проемах и в ногах чего-то, похожего на кровать, небрежно накрытого узорчатым покрывалом.

Аня шагнула к окну, думая, что Оливье снова станет показывать ей местные достопримечательности. Но он, обогнув кровать, подвел ее к нише в стене. Там, на толстом золотистом шнуре, привязанном к массивному железному крюку, вбитому между крупных камней, висел портрет без рамы. Когда глаза свыклись с полумраком, Аня рассмотрела, что на портрете изображена дама в старинном платье, вполоборота повернутая к зрителям. Лицо дамы художник выписал настолько старательно, избегая любых недостатков, что, лишенное малейших теней, складочек, идеально ровное по цвету, оно казалось плоским, не имеющим объема. Безупречные дуги бровей, миндалевидные глаза, тонкий, вытянутый нос, неправдоподобно маленький рот с невероятно узкими ярко-розовыми губами – должно быть, художник следовал всем канонам красоты, принятым в его время. Одна рука дамы, с очень длинными, сужающимися к концам до полной остроты пальцами, указывала на предметы, изображенные рядом, на столике – лютию, свитки с какими-то надписями, букет цветов. Другой рукой, манерным, нарочитым движением она указывала на свой затянутый стан, нереально узкий поверх широченной юбки.

Оливье стоял рядом, наблюдая, как Аня разглядывает картину. Он нетерпеливо покачал головой, показал глазами на платье Ани, потом дотронулся пальцами до центра портрета. Художник, отдав дань условностям или пожеланиям заказчика, всё свое умение сосредоточил на деталях. Кружева, вышивки, жемчуг – всё выглядело как настоящее, гораздо более живое, чем лицо на портрете. А с корсажа дамы свисал медальон, очень похожий на тот, что сейчас Аня невольно накрыла ладонью. Довольно невзрачный, тусклый, с несимметричными лепестками, он совсем терялся на фоне роскошного платья. Но как раз на него и указывал тонкий белоснежный перст дамы.

Аня едва успела присесть на свое место за столиком, как вернулась разрянувшаяся Елена Степановна.

– А где это ты пропадала? Смотрю, а тебя все нет и нет... Детвора веселится! Даже Вадька в восторге. Моник тоже спрашивала, куда ты подевалась. Нет, тут у них очень здорово – без перехода заявила хормейстер, обмахиваясь салфеткой – но если я еще раз услышу про филлюксеру... Это вредитель такой виноградный... Смотри, месье Мартен опять бровями шевелить будет! – указала она на мэра и сопровождавшую его переводчицу.

В наступающих сумерках Аня уже не могла различить бровей мэра, и смотрела она не на него. Рядом с Моник стоял Оливье, опустив голову и улыбаясь.

– Пришло время принести общую благодарность организаторам этого замечательного праздника! Поскольку старшие представители семьи Фезензаков находятся в отъезде, немалые хлопоты по приему гостей взял на себя младший отпрыск этой старинной фамилии... Позвольте представить его тем, кто еще с ним не знаком – Оливье де Желас де Фезензак!

– Ух ты, какой! – одобрительно заметила непривычно словоохотливая Елена Степановна, наклонившись к Ане. – Я где-то его уже видела. Только думала, что он из obsługi или навроде того.

Послышался пронзительный свист, потом грохот, затем радостные крики зрителей – над башнями замка распустились цветные гроздья фейерверка. Гости поднялись со своих мест, столпились посреди лужайки, аплодируя и смеясь. Аня стояла вместе со всеми, подняв голову и глядя в небо. Почувствовав прикосновение, она обернулась. Оливье сжал ее ладонь и прокричал ей на ухо, дождавшись перерыва между залпами:

– Я... тебя... приехать! – старательно выговорил он русские слова, покачал головой и исправился: – Я приехать тебя скоро!

Январь 1798 года, имение Щелыгино

Тиличев опрavlял на себе шубу, ожидая на широком крыльце с полукруглыми ступенями, когда подадут его возок, как кто-то тронул его за локоть. Обернувшись, он увидел давешнего старичка в приношенном кафтане. Сейчас поверх всего платья на старичке громоздилась простая собачья доха.

– Это ваш возок, сударь? – спросил он, кланяясь. – Не сделаете ли вы, милостивый государь, доброе дело, не подвезете ли старика до развилки на Успенское? У меня, знаете ли, санки открытые, и лошадки небыстрые, а мороз крепенек... Премного благодарен!

Он обрадованно засуетился, взбираясь в возок, на ходу махнув своему кучеру ехать следом. Влезши, деловито закопошился, устраиваясь и укрываясь, потом одобрительно произнес:

– Сейчас видать старинную работу! Не иначе, как еще родителям вашим принадлежала сия повозка!

– Да, это еще от батюшки с матушкой досталось... Мне на своих почти не приходится ездить. Все больше на почтовых, да по казенной надобности.

– Как же, сударь, наслышаны... Смею заметить, мы с вами в некотором роде коллеги – щегольнул старичок ученым словом – мне тоже приходится по роду деятельности все время в дороге проводить. Только ваш покорный слуга делами мелкими, несравнимыми с государственной важностью, занят. Я, сударь, судебными исками промышляю, в интересах наших окрестных помещиков бумаги составляю да по судебным инстанциям развожу. Ну, у всякой птицы свой полет!

Старичок пошевелился, поправляя что-то из своих многочисленных одежек. Луна светила в застекленные оконца возка, тронутые морозными узорами, оставляя лица попутчиков в тени.

– Езда по нашим бескрайним дорогам скучна, ежели не иметь приятной беседы. А я по большей части в одиночку разъезжаю, но сие мне не в тягость. Полюбилось мне, сударь, мечтать в дороге о материи, о которой, не будь здесь спасительного мрака, я и заикнуться не посмел с малознакомым человеком. Мечтаю я, дражайший господин Тиличев, об истинной красоте... А наивысшим проявлении телесной красоты почитаю я, недостойный ценитель, красоту девы в семнадцать лет. Нет-нет, сударь, не подумайте чего дурного! Все мечтания дальше этой седой головы, и то в дорожной скуке, не идут! В обыденной жизни я пребываю в законном и счастливом браке вот уж тридцать лет с лишком, на протяжении коих верен оставался супруге своей. Но, должно быть, оттого, что в молодости своей не имел я счастья ухаживать за девицами, ибо сосватан был родителями моими и обвенчан, невесту свою почти не видя, нахожу необыкновенное удовольствие любоваться юной красотой.

Из дома в дом переезжая, с отрадой вижу, как из младенцев появляются сначала отроковицы, зачастую неуклюжие и угловатые, как расцветают они в раннем девичестве, как совершенствуется их красота. Будь у меня дар описывать сии ангельские чудеса, какой бы трактат о красоте смог я создать! Но не дано мне оставить после себя ничего, кроме сухих прошений да отписок. Только в моей голове остается восторг, какой испытываю я, наблюдая все эти нежные шейки, прозрачный румянец, и – вершина красоты – ямочки на беленьких локотках!.. Здесь все устроено как в природе – пришла весна, стало быть, распустится сначала верба, потом вишня зацветет, потом ландыши... Коротка пора цветения, но красоты в ней на весь год. Так и с женской прелестью – бушует она по весне, а потом тихо угасает, и остается от нее одно воспоминание.

Должно быть, и в самом деле я склонен к научным наблюдениям, ежели и в такой сфере тшусь найти закономерности. Заметил я, что некоторые виды красоты, необычайно ярко в девичестве проявляясь, становятся со временем несносны. Таковыми проявлениями считаю я

излишнюю сухость, особенно костлявые локти или, что еще хуже, глубокие впадины над ключицами. Обещают они своей обладательнице со временем неприятную сухопарость и вздутые жилы на руках, что считаю я крайне некрасивым. Но и другая крайность меня настораживает – иная девица во младенчестве себя истым ангелом являет, а с возрастом грубовата становится. Взять, к примеру, Полиньку – прелести девица необыкновенной, но видя рядом матушку ее (да простит меня дражайшая Марья Спиридоновна), с грустью вижу, что со временем станет дочь на нее похожа, как одна капля водяная на другую. Румянность в багровость перейдет, шейка исчезнет, голова в плечи уйдет, и станет у ней спина, как у купчихи первой гильдии. А пушок прелестный на верхней губке в усики Марьи Спиридоновны обратится...

Не то Софьюшка, истинная любовь моя... Никогда прежде не доводилось мне наблюдать, как из прелестного дитяти столь же прелестная девочка вырастает. Она даже счастливо миновала пору всеобщей неуклюжести и никогда не теряла одной ей присущей милой стеснительной грации. Должно быть, сударь, мне ближе красота блондинок, каковой Софья Андреевна является миру. Брюнетки, слов нет, веселее, зажигательнее, но и характером тверже, и нравом круче. Но волосы у Софьюшки такого прекрасного цвета, словно лучиками солнечными подсвеченные, что никакая брюнетка, будь у ней власы хоть цвета воронова крыла, с нею не сравнится. И еще у такой красоты есть преимущество – она долговечнее, чем сочная, земная красота. Нежные блондинки дольше не старятся, если, конечно, имеют счастье пребывать в холе и неге богатства и любви ближних своих.

Оттого так затрепетало сердце мое, когда увидел я нынче вечером любезную Софьюшку в слезах и крайней печали. Когда расстались мы с вами, господин Тиличеев, пошел я на жилую половину, и застал милую девицу в холодной угольной комнате, с раскрытой книжкой в руках. Сидит она, душа моя, плечики платочком теплым кутает, а слезки так и сыплются в открытую книжку, как вот дождик частый. Да, сударь мой, сиротская доля несладкая, хоть и у тетушки родной... А как пришел господин Берко-Беркович, сорвалась она с места, и в комнатке у себя с шумом заперлась – должно быть, ножкой стула дверную ручку заложила. Вот так вот, сударь... – старичок зашмыгал носом, завозился в своих одежках, засморкался тихонько.

– Могу я узнать, господин... Мордюков?

– Да, да! Верно изволили запомнить мою немудреную фамилию, как верно и вопрос желаете задать. Хотите вы узнать, какое дело вам, человеку в первый раз в жизни в сей дом приехавшему с обыденным соседским визитом, до таковых подробностей и даже семейных тайн. Но я-то Софьюшке не чужой, с малолетства ее, душеньку, знаю и люблюсь ею безмерно, оттого и судьба ее мне не безразлична. В одну неделю, всего лишь в одну неделю, всё в щельгинском доме переменилось.

Должно быть, наслышаны вы, милостивый государь, что Марья Спиридоновна себя важно держит и перед женихами не заискивает? – несколько поуспокоившись, перестал старичок теребить свой вислый нос. – Что перед Масленой неделей собиралась девиц в Москву вывезти, дабы достойно на праздничных балах показать и женихов обрести самых изрядных? Так и задумывалось, но мечтам таким не суждено сбыться. У Марьи Спиридоновны сынок имеется, старший, в гвардии в столице служит. Госпожа Щельгина всем своим гостям историю изволит рассказывать про мундир из неподобающего сукна, но если бы все так невинно было! Не подобает мне выбалтывать чужие тайны такого скандального толка, скажу лишь, что сынку Марьи Спиридоновны не деревня грозит, а каторга и Сибирь.

Семь дней назад прислала за мной госпожа Щельгина свои сани с лучшей упряжкой. Еще и дворня не вставала, как уж сидел ваш покорный слуга у ней в кабинете, и задала она мне вопрос, коему удивился я безмерно. Спросила она, нет ли возможности сочетать браком двоюродных брата и сестру, дескать, наслышана она, что, например, во Франции такие браки обыденны, особенно между членами знатных семей. Дескать, поскольку теперь государь наш

Павел Петрович в близкие сношения с католическим орденом вступил, то не будет ли послабления и в некоторых наших православных обычаях.

Отвечаю ей, что таковых случаев не наблюдается, а сам смекаю – к чему бы это? Тут и сама Марья Спиридоновна расплакаться изволили и признались, что получены ею от сына известия самого дурного толка, и что спасти его она намерена всеми способами, какие только существуют.

Догадался я, что хотела она сына своего сочетать браком с племянницей, Софьюшкой, чтобы состоянием ее дело поправить. Ибо у любимицы моей от родителей осталось весьма значительное богатство – и в здешней губернии, от отца, и от матушки, на Волыни. Те имения, что поблизости, нераздельны в управлении и распоряжается ими Марья Спиридоновна как опекунша и ближайшая родственница, покуда Софью замуж не отдадут. Тогда уж имения делить придется, и, смекаю я, у Марьи Спиридоновны не столь уж значительная часть останется. Очень уж дорого ей гвардеец столичный обходится. Так дорого, что за дочерью, Полинькой, приданого все меньше остается.

Нет слов, дабы передать, как заволновался я, когда понял, какие тучи над головкой моей любимицы сгустились! Но дальше еще худшие намерения Марью Спиридоновну посетили. Решилась она Софьюшку отдать за господина Берко-Берковича. Да-да, того самого, вы его не заметить не могли! Возраста сей господин весьма почтенного, он почти одних лет со мною, хоть не в пример мне полнотел и свеж. Но не в этом суть, не в разнице в годах, в ней-то как раз ничего зазорного нет.

Душа моя кровью обливается по другой причине... Не думаю, что выдам особенную тайну, если расскажу вам, что господин Берко-Беркович имеет самые сластолюбивые склонности, и у себя в доме настоящий сераль содержит из крепостных девок и некоторых вольных из мещанок. Сие заведение называется феатром, и даже кой-когда представления устраиваются, но глядеть на сие, с позволения сказать, позорище, решаются только немногие местные жители, исключительно мужского пола.

Надобно упомянуть, что господин Берко-Беркович в наших краях человек сравнительно новый. Прибыл он сюда с намерением прикупить деревеньку, в чем я же ему и посодействовал, по рекомендации знакомцев. Купил он даже не деревеньку, а недурное сельцо, Нижние Бугры, там и поселился. Деньги сей господин имел немалые, оттого и устроился на новом месте почти с роскошеством. Вскоре женился он на соседской невесте, округлил имение за счет немалого приданого. Потом схоронил жену, и, немного повдоев, женился вторично, еще удачнее. Была у нас тут некая старая девица, и она в одночасье богатейшей невестой стала. Приехали к ним младшие братья в отпуск из полка, да разом и померли от какой-то болезни. Вслед за ними и родители престарелые Богу душу отдали, горя великого не пережив. Так и стала та девица второй госпожой Берко-Беркович, но тоже ненадолго.

После ее кончины уж три года прошло, жил все это время вдовец с размахом и о следующей женитьбе, похоже, не помышлял. Только с прошлой осени зачастил он в Щельгино, точно почуял, что скоро случай ему подвернется. И верно, стали известия об шалостях гвардейца все чаще приходиться, и все горше Марья Спиридоновна задумываться начала. Вот и согласилась она Софьюшку за Берковича этого отдать, чтоб ему неладно было... Он, распутник старый, согласился за нею взять только часть приданого, то имение, что далече, на Волыни находится. Марья Спиридоновна и обрадовалась, что сынка теперь вытащить сможет, а Софьюшку неволит в замужество идти...

Слов нет, как сердце мое кровью обливается! Ведь у него, у сластолюбца, цельный харем, и расставаться с ним он не собирается. А Софьюшка не того поля ягодка, чтобы в том хареме султаншей быть. Есть, сударь, девицы такие бойкие, что любого мужа сумеют под башмаком прижать, хоть бы и самого нравного, но это не про голубку мою кроткую... И заступиться

за нее некому, я-то ей человек вовсе посторонний, и прав никаких не имею в судьбе ее участие принимать!

Старичок завозился, вздохнул, в окошко выглядывая.

– Приехали? Да, вот и развилка... Постоим маленько, санки мои приотстали... Отчего же вы, милостивый государь, не спросите, зачем я вам все это поведал?

– Мало ли какие у вас резоны... – внимательно вглядываясь в лицо старичку, в полутьме белевшее, проговорил Тиличеев негромко.

– Верно, сударь, изволили заметить... Но и вас это дело коснуться может, и я могу пояснения дать не отлагая. Имею я точные сведения, что Марья Спиридоновна вас прочит в женихи для дочери, для Полинки.

– Что?! Меня? Да какой же ей от меня прок? Я в опале, чуть не в ссылке, состояние мое не велико...

– Она об вас подробнейшие справки навела, повинюсь, не без моей помощи – у меня связи во всех кругах чиновных давние, временем проверенные. Опале вашей недолго осталось длиться, уж поверьте моему опыту, самое много, пару месяцев пройдет, и призовут вас обратно. Имение ваше невелико, но в порядке находится совершеннейшем – благодарите свою Игнатьевну. Она ваши интересы блюдет с рвением, самой высшей похвалы достойным. И тетушка у вас в соседней губернии имеется, бездетная, весьма достаточная помещица, в преклонных летах находящаяся. Уж поверьте, сударь, что всё, до вас касаемое, проверено-перепроверено. И жених вы самый что ни на есть желанный.

А способов дело спроворить имеется у ловких маменек с покладистыми дочками немало, уж поверьте...

– Да как же это возможно? – с любопытством пополам с досадой спросил Тиличеев.

– Так уж... Представьте, сидите вы один в комнате какой уединенной, тут является прекрасная барышня, и делается ей в одночасье дурно. Вы, как воспитанный кавалер, склоняетесь над нею, а то и подхватываете на руки... А тут в дверях откуда ни возьмись матушка, да не одна, а с каким-нито уважаемым гостем... Конфуз! Скандал! Вам намекают, а то и прямо говорят, что вы, как человек порядочный, не сможете теперь девицу оставить в таком двусмысленном положении, что ее теперь на всю губернию ославят, что ни один достойный жених к ней не посватается... А девица хороша, ни в чем не виновата, из хорошей семьи, вот вы, как благородный человек... Надо дальше продолжать? Это еще самый бесхитростный вариант, а можно и целое представление разыграть, была бы надобность. А надобность имеется, уж поверьте вашему покорному слуге!

Можно, конечно, Полинку и за другого отдать, хоть бы за ротмистра Нежданова – он ее возьмет хоть днем, хоть ночью, даже и без всякого приданого. Но сам-то он гол, как сокол, так какая в том выгода для Марьи Спиридоновны? – тогда ей придется семью дочери самой содержать, ведь не изверг же она в самом деле, так только, слишком сына любит, вот и весь ее грех...

Старичок посопел, завозился, теплые одежки разбирая, в оконце выглянул.

– Санки мои подоспели, позвольте поблагодарить вас, сударь, за любезность. Слова мои, ежели желаете, к сведению примите, а коли нет – забудьте, мало ли чего в дорожной скуке старик незнакомый вам наболтал...

Кряхтя, выбрался господин Мордюков из возка, уселся на свои санки и покатил по узкой колее под луной, бескрайние снега посеребрившей.

Ключница Игнатьевна в ночной тишине издали колокольцы на упряжи услышала, и барина на крыльцо встречать вышла.

– Как погостили, батюшка Алексей Афанасьич? Как встренули, чем угощали? Печенья в бумажных кружевах подавали, ай нет? Пирог с трюфлями был? – успевала она расспрашивать, шубу принимая и барина в теплые хоромы провожая. – Семку прислать?

– Семку погоди присылать, я еще спать не хочу... Или нет, пусть он мне трубку подаст – рассеянно отвечал барин.

– Сию минуту пришлю – с готовностью поклонилась Игнатъевна, внимательно на барина глядячи. Отвернулась и поспешно вышла в сени, что господские хоромы от людских камор отделяли. – Ну что, глаза заблестели – и то дело... – прошептала она, за дверью скрываясь.

Алексей Афанасьевич походил по комнате, сцепив руки за спиною, подошел к темному холодному окну, уперся лбом в переплет.

– Я им не карточный болван... – проговорил он негромко.

Август 201... года, город Никольск

Из материалов опроса Моник Франсуаз Бонье, гражданки Франции

– Значит, это вы, Моник, обнаружили тело Оливье Антуана Анри де Желас де Фезензака, гражданина Франции?

– Да, но всё, что я видела, я уже подробно рассказывала другому офицеру полиции, и не один раз, простите, не помню, как его звали... ну, хорошо, я все понимаю... Я действительно нашла тело Оливье, и... Я мало что помню, это было так ужасно...

– Пожалуйста, успокойтесь. Если вы не возражаете, я буду задавать вопросы, а вы постарайтесь вспомнить всё, что возможно. Итак... Когда вы приехали в Россию?

– Около недели назад... Бог мой, это было так давно, и так недавно... Простите... Я постараюсь... мы с Оливье прилетели в Москву, в аэропорт Шереметьево-2, кажется, так он называется. Нас встретили Аня со своим мужем, Виктором Лапиным, они для этого специально приехали из Никольска.

– Пожалуйста, расскажите немного, как вы познакомились с этой семейной парой.

– Ну да, конечно... В июне Аня приезжала к нам в город – это в Гаскони – вместе с детским хоровым коллективом. Я работала с их группой в качестве переводчика.

– Кстати, Моник, откуда вы так хорошо знаете русский язык? Вы говорите совершенно свободно!

– Спасибо... Я закончила Сорбонну, и неплохо знаю еще польский и чешский языки, не считая английского и итальянского. Занимаюсь литературными переводами, а также работаю как переводчик-синхронист. Иногда вожу группы туристов или делегации, но это когда приезжаю в свой родной город. В основном я живу в Париже, а в Гаскони провожу месяца три в году. Я ответила на ваш вопрос?

– Да, вполне понятно. Значит, с Анной Лапиной вы познакомились в родном городе?

– Не совсем так. По условиям моего контракта я должна была встретить группу детей и сопровождающих их взрослых в аэропорту Шарль де Голль. Потом мы в полном составе отправились в Париж, где я помогла им заселиться в гостиницу.

– Значит, группа россиян не сразу отправилась в ваш город, я правильно понял?

– Да, им было оплачено и пребывание в гостинице, причем очень хорошей, и целый день экскурсий по Парижу. Признаться, мне впервые удалось поработать в таких... ммм... роскошных условиях. Обычно группы едут к нам в Оз сразу, без остановок. А тогда мы весь день провели в экскурсиях, кстати, и питание заказывалось в исторических, известных местах. Я еще порадовалась за детей – кто-то очень щедро финансировал их поездку.

– А в вашем городе? Детям уделялось столько же внимания?

– Пожалуй. Их поселили в старейшей гостинице в центре города, на главной площади, а в остальном – что позволяли местные условия. У нас бывает немало народа, в последние годы довольно много из России. Приезжают даже делегации, вот из этого города, Никольска, были несколько раз.

– Вы и с ними работали?

– Да, конечно. Переводчиков с русского не так уж много.

– Спасибо, Моник. Теперь прошу перейти к главному. Вы давно знаете Оливье... простите, как мне его называть покороче? Очень уж длинное имя.

– Так и называйте, просто Оливье...

– Хорошо... как давно вы знакомы и в качестве кого приехали с ним в Россию?

– Я приехала в основном как переводчик, хотя... В общем, мы с Оливье знакомы с детства, город у нас небольшой. Семья Фезензаков – как бы это правильно сказать – один из стол-

пов местного общества. Как-то несовременно звучит, вы не находите? Но я не могу подобрать других слов. Иначе говоря, это семейство очень влиятельно, и всегда являлось таковым для наших мест. Если сказать короче, Оливье в городе знали все, к тому же он вел себя дружелюбно и приветливо.

– Вы что же, учились вместе?

– Нет, он учился в частной школе, но когда приезжал на каникулы, охотно общался с местной детворой. Я даже не помню, когда мы с ним познакомились. Позже мы встретились с ним в Сорбонне. И он, и я выбрали для учебы Новую Сорбонну, Париж – III, если говорить точно. Я занималась там, как вы сами понимаете, языками, а Оливье увлекался литературой и историей.

– То есть он не собирался заниматься семейным бизнесом, я так понимаю? Но семья его содержала?

– Да, наверное... Простите, у нас не принято обсуждать финансовые дела друг друга. Но я могу сказать вам, что в семье на Оливье... как бы это сказать...

– Махнули рукой? – подсказал следователь.

– Да, хорошее выражение, если только я точно поняла его смысл. Нет, не подумайте плохого, просто в семье Фезензаков и без Оливье имеется, кому поддержать семейный бизнес и материальное благосостояние... или благополучие? Как правильнее сказать?

– Одинаково правильно. Пожалуйста, остановитесь на этой теме. На какие средства Оливье приехал в Никольск? Имелись ли у него с собой крупные денежные суммы или что-нибудь особо ценное?

– Вы думаете, что его могли убить из-за денег? Странно. Мне это не приходило в голову. Моник устало пожала плечами:

– Да какие сейчас могут быть деньги! Все в электронном виде, по всему свету действует единая платежная система, и вообще... Все вещи Оливье целы, и документы, и гаджеты... А на какие средства он приехал, не могу сказать. Может быть, семья давала ему что-нибудь, во время учебы дела скорее всего, так и обстояли. Но свои собственные заработки у него тоже имелись, я в этом уверена.

– И чем он зарабатывал? Насколько мне известно, он официально нигде не работал.

– Оливье превосходно разбирался в старинных манускриптах, читал на старопровансальском и гасконском. Но больше всего он интересовался поэзией трубадуров, и имел в среде любителей этого жанра достаточной вес. Я знаю, что он не раз выступал в качестве эксперта, и его оценки впоследствии подтверждали признанные специалисты. Может быть, и на аукционах он мог работать как посредник при покупке ценных манускриптов, но детали мне неизвестны.

– А как относилась его семья к этим увлечениям?

– Понимаете, Оливье был самым младшим, у него есть еще старшая сестра и брат. Они очень серьезно относятся к семейному бизнесу, и этого вполне достаточно.

– Вы могли бы уточнить, что это за семейный бизнес?

– Арманьяк, конечно. В наших местах все этим занимаются, это дело и уважаемое, и вполне доходное. Часть земель сдается в аренду, это тоже приносит прибыль. Старшая сестра Оливье к тому же вышла замуж за владельца предприятия по производству стеклотары. Так что вы сами понимаете... Но Оливье эти дела не интересовали. Максимум, что он делал, так это подписывал этикетки для самых элитных партий арманьяка.

– Что-что, простите, делал?

– Видите ли, существует такой... обычай, что ли... Покупатели особенно ценят те бутылки, где этикетки подписаны вручную – как личная гарантия качества от производителей, так сказать. Чаще всего пишут стальным пером, старинным почерком, с нажимом; вот Оливье и нравилось это делать, он умел писать как в старинных прописях. Больше его ничто

с производством арманьяка не связывало. Его брат и сестра принимали это как должное, возможно, потому, что у них большая разница в возрасте с Оливье, им обоим уже за сорок. Они и воспитывали его вместо родителей, когда те умерли. Но мне кажется, что все это совершенно не имеет значения сейчас. Я могу понять из ваших вопросов, что вы подозреваете, будто смерть Оливье выгодна его родственникам. Уверена, что это не так. Во Франции не принято делить фамильное поместье поровну на всех детей, майорат остается за старшим мужчиной в роду, в отличие от России. Это у ваших аристократов все дети получали равную долю в наследстве и титул, если он имелся. А у нас только старшему отводилась главная роль, ему доставались родовые земли, имя и фамильная недвижимость. Остальные сыновья либо шли на военную службу, либо посвящали себя церкви.

– Спасибо, Моник, мне это известно из литературы. Хотелось бы уточнить, в качестве кого вы сопровождали Оливье.

– В основном в качестве переводчика. Оливье оплатил наш перелет и предлагал мне плату за перевод, но от этого дополнения я отказалась. Мне самой интересно повидать Россию; я очень много знаю о вашей стране, но здесь никогда не бывала. После того, как Оливье познакомился с Аней, он усиленно учил русский, но, как вы понимаете, многого не добился – у вас трудный язык.

– Вот об этом, о том, как они познакомились, прошу рассказать подробнее.

– Подробностей я не знаю... они вспоминали какой-то дождь, град... Да, как раз в день приезда их хорового коллектива случился сильный град. Тогда еще пострадал наш городской парк. Там планировался праздник, на который, собственно, этот детский коллектив и прибыл.

– А праздник состоялся в замке Фезенсак? И Оливье сам пригласил к себе домой столько гостей?

– Ну да, вы это знаете. Его родные как раз оказались в отъезде, но Оливье всё с ними согласовал.

– Значит, Оливье все-таки мог распоряжаться семейными владениями?

– Ну, как распоряжаться... Он просто предоставил организаторам праздника лужайку возле замка и подсобные помещения.

– Оливье уже познакомился тогда с Анной Лапиной?

– Я затрудняюсь ответить... Я была занята – переводила речи, реплики, давала пояснения для гостей. Но во время фейерверка они, Оливье и Аня, стояли рядом. Это я помню точно.

– Ладно... А как они общались потом?

– Как все сейчас, через электронную почту. В конце июля Оливье позвонил мне и предложил поехать с ним в Россию. Дальше вы знаете.

– Далеко не все... Итак, Лапины встретили вас в Шереметьево и привезли в Никольск. Где вы остановились?

– У них дома, там, где Оливье потом... Простите... У Ани с Виктором маленький частный дом – я правильно говорю? Домик с садом, сад выходит к оврагу.

– Вы все время проводили у них?

– Нет, мы довольно много ездили по округе. Здесь интересные места, много... как это называется? Музей – усадьба, правильно?

– С кем вы обычно ездили?

– Да все вместе – Аня, Виктор, Оливье и я... У них машина, я уже говорила вам. Старенькая, но в хорошем состоянии – Виктор сам чинил ее, он инженер-механик, насколько я помню.

– Он что, находится в отпуске?

– Нет, в отпуске была Аня. А Виктор работал... как это называется? Сутками, а потом не работал, тоже по суткам... Он инженер в сети станций по заправке бензином.

– Сутки через трое?

– Да, так они говорили.

– Скажите, Моник, какие у них были отношения?

– Хорошие отношения.

– Это на первый взгляд; а если точнее?

– И на первый взгляд, и на второй... Аня заботилась о муже, вы бы видели, какие обеды она ему на эти самые сутки с собой готовила. Объясняла, что ему негде поесть на работе, и все приходится брать с собой. У нас так не принято... или нет, не знаю, как сказать, но того, что она ему с собой давала, хватило бы на нескольких человек.

– На роту солдат? – подсказал следователь.

– Это такая шутка? Хотя Виктор очень большой – он сантиметров на двадцать выше и килограммов на сорок тяжелее, чем Оливье. Простите, я, кажется, говорю лишнее...

– Почему же? Мне как раз интересно ваше мнение. Скажите, Моник, вы лично... вы верите, что это Виктор убил Оливье?

– Мне очень трудно это представить. Он такой... Большой, добрый, как... медведь.

– Медведи считаются крайне опасными животными как раз потому, что они не показывают признаков агрессии и нападают внезапно – заметил следователь, внимательно глядя на Моник.

– Ну, это среди настоящих зверей – вам не кажется, что это можно понять двояко? – повела плечами Моник. – До сих пор мне не верится, что это мог сделать Виктор.

– Факты против него очень весомые – он сказал, что его вызвали на работу, а на работе это отрицают. У него сбиты костяшки пальцев, одежда грязная и разорванная; и это как раз в то время, когда был убит Оливье. Вы считаете, что этого мало для ареста?

– А как он это сам объясняет?

– В том-то и дело, что никак. Молчит.

Моник открыла рот и даже вдохнула, но так ничего и не произнесла. Зазвонил ее мобильный, она торопливо поднесла его к уху.

Пока она разговаривала, часто кивая головой и время от времени вставляя фразы по-французски, следователь смотрел на нее терпеливо и внимательно.

– Месье следователь, сейчас подъедет представитель из нашего консульства. Вы позволите?.. Нужно заниматься отправкой тела на родину.

– Да-да, я понимаю. Вы собираетесь сопровождать его?

– Пока не знаю, возможно. Как раз сейчас должно решиться, будут ли ожидать кого-нибудь из родственников, или это поручат мне. Вы позволите мне идти?

– Разумеется, Моник. Но мне кажется, наш разговор еще не окончен.

Январь 1798 года, имение Щелыгино

Снег пронзительно скрипел под ногами, на его голубоватой переливчатой поверхности четко очерчивались под луной длинные тени. Две мужские фигуры споро двигались по пустынному санному следу.

– Не далече ли возок оставить приказали, любезнейший Алексей Афанасьевич? – запыхавшись, проговорил тот из идущих, что гляделся поменьше ростом. – От греха бы подальше, к брэнному телу поближе... – добавил он неуверенно.

– Трусить изволите, господин Мордюков? – весело усмехнулся высокий путник. – Вы же сами уверяли, что предприятие наше и необходимо, и вами вполне подготовлено.

– Так-то оно так... Да вдруг сегодня раньше времени собак с цепи спустят... Не та у меня ныне прыть, да и в молодые годы особой резвостью я похвалиться не мог.

– Вы же сказывали, что с щелыгинским сторожем на короткой ноге? – обернулся Тиличеев, блестя глазами над поднятым воротником длиннополой шубы.

– Да все так... Я с ним нынче поутру перемолвился, нарочно заехал как бы мимоходом, сказал ему, чтобы не запирал дальнюю калитку, мол, Марья Спиридоновна ждет меня по секретному делу.

– Так что же вы робеете? Или на попятный идти собрались?

– Куда уж на попятный... Ради Софьюшки и не на такое пойти готов... Э, сударь! Зря вы таким манером обулись!

Старичок остановился, показывая на ноги своего спутника:

– Я же вас просил валенки надеть, нам нынче не до форсы! А в сапожках и зябко, и скользко!

– Будьте покойны, господин Мордюков. Кстати, как вас по батюшке? На рискованное дело вместе идем, а имени-отчества вашего я так и не знаю.

– Степаном Матвеевичем меня кличут... А что рискованное дело – это вы, Алексей Афанасьевич, верно изволили заметить. И не в собачках беда, хоть они у Марьи Спиридоновны на всю округу славятся – сущие волкодавы, за щенками из соседней губернии присылают. Вам-то еще полбеда, коль нас приметят в неполюженном месте, уедете, и забудутся толки. А я рискую верный кусок хлеба на старости лет потерять – кому нужен стряпчий, в подозрительных действиях замешанный?

Тиличеев подхватил под руку смешавшегося старичка, и бодро повлек за собой следом:

– Могу ответить обстоятельно и по пунктам, как привык по роду деятельности, уважаемый Степан Матвеевич! Сапоги у меня для мороза годны, внутри мехом выстланы, и подошву имеют ребристую – таковые в Тироле носят, в горах. Собаки нам тоже не страшны, если сторож их с цепи по вашей просьбе не спустил. А ежели и спустил, тоже не беда, отобьемся – предупреждены, стало быть, вооружены. Стряпчих же ценят более всего за пронырливость, так что вы свои действия вполне можете в свою пользу повернуть. А за меня не тревожьтесь, мне и не в таких переделках бывать приходилось. Дипломатическая служба только с казовой стороны тихая и бонтонная, на деле же всякими путями своих целей добиваться приходится.

– Ну, ежели и в дипломатии так... – несколько увереннее проговорил старичок, убыстряя шаг – тогда, сударь, вперед! Мы словно два рыцаря в битве за честь прекрасной дамы! Или, точнее сказать, рыцарь и его верный оруженосец... – дохнул он паром, на крепком морозе вовсе непрозрачным.

– Ну, вот, дело говорите! А то какой бы рыцарь из меня получился, коли в валенках...

Странная пара скоро поспешала к щелыгинскому парку, обнесенному не столь высокой, сколь крепкой оградой из еловых жердей, в решетку сколоченных. Старичок сей же час нашел

калитку, почти неприметную в сплошной ограде, отворил ее без скрипа. Далее путь пролегал по господскому парку, безлюдному под яркой луной и трескучему морозцу.

– Что ж дальше-то, любезнейший Степан Матвеевич? – искоса взглянул на своего спутника Тиличеев, распахнув, разгорячася, толстую лисью шубу.

– Сейчас подходим. – Старичок поправил рукавицей шапку, показал на темную громаду дома: – Это мы с задков вышли, парадное крыльцо с той стороны, а здесь темно, безлюдно. Только одно оконце чуть светится, видно вам? Ну, где ж вам не увидеть, коли даже я своими подслепыми глазками зрю. Это и есть Софьюшкина светелка.

Они продолжили свой шаг, остановившись у штукатуреной стены, разом поглядели наверх.

– Сажени полторы будет, коли не больше – озабоченно шепнул Тиличеев. – И стена гладкая, ни тебе выступов, ни лепнины.

– Извольте сюда, Алексей Афанасьевич! – в тон ему отвечивал старичок. – Тут глыбы снежные свалены, что от постройки катальной горки остались... Марья Спиридоновна два десятка мужиков приказала пригнать, дабы горку к Святкам изготовить. Они поначалу снежных глыб нарезали, где снег плотнее улежался, а уже после их укладывали в самую горку, и водой для склейки поливали. Глыб с запасом наготовили, вот туточки остатние сложили, за домом...

Две закутанные фигуры принялись волоком подтаскивать снежные кубари к стене дома, громоздя их одна на другую.

– Хватит, достаточно... – Алексей Афанасьевич сноровисто взобрался на сооруженную подставку, опираясь на плечо Мордюкова. – А ну, как Софья Андреевна либо к гостям вышла, либо напугается так, что прислугу кликнет?

– Сие уж от вас зависит, господин рыцарь, от вашего умения и старания... К гостям ее, лапушку, не велено выпускать, взаперти приказано содержать, покуда не согласится в замужество идти, сведения на сей счет верные имею. Да вам главное на нее самую поглядеть, мы же с вами уславливались!

– Верно... – взобравшись на самый верх, под неярко светящееся оконце, прошептал Тиличеев – надо же хоть поглядеть, стоит ли на такие безумства пускаться...

Он переместился ближе к стене, сторожко переступая по скользкой обледенелой верхушке сложенных одна на другую снеговых глыб, взялся руками за оконный выступ, прильнул лицом к стеклу.

За окном без всяких занавесов по ту сторону небольшой, невысокой комнаты, горела свеча в медном шандале на простом деревянном столике, возле кровати под вязаным покрывалом. Вполоборота к окну виднелась женская фигура в чем-то белом. В полутьме хорошо различалась лишь толстая светлая коса, чуть не до полу свисающая, да укрытые платком плечики, над которыми грустно склонилась русая головка. Раскрытая книга лежала на столе, никем не листаемая, а сама хозяйка комнаты сидела неподвижно, обхватив себя за локотки. Алексей Афанасьевич, готовый было постучать в заиндевевое стекло, замер, разглядывая девушку, о которой он столько узнал, самоё ее ни разу до тех пор не видав.

Он осторожно пошарил рукой в теплой перчатке по оконной раме, пытаясь нащупать какую-нито щель, но ничего не обнаруживалось. Рама стояла сплошная, зимняя, из тех, что ставят на окна осенью и снимают только по весне. От дыхания стекло затуманилось, очертания девушки потеряли четкость, словно расплылись. Тиличеев протер неровный кружок в оконце, приник к стеклу поближе. Он уже собрался легонько стукнуть, как девушка сама подняла голову и увидела совсем близко от себя чужого человека.

Плотно пригнанная зимняя рама не позволила Алексею Афанасьевичу расслышать, что она сказала, но ее действия были исполнены отчаянной решимости. Она вскочила, угрожающе занеся над собой руку с зажатым в ней чем-то, похожим на нож. Тиличеев испуганно

замахал руками, потом умоляюще прижал их к груди, не переставая безмолвно, но горячо, протестуя мотать головой. Его пантомима возымела действие: девушка замерла, вглядываясь в незнакомца. Так они простояли не меньше минуты, впериw взгляд друг в друга, пока Тиличеев не почувствовал, что даже его горные сапоги скользят по заледенелой опоре, если не держаться руками. Девушка сделала шаг ему навстречу, все еще опасливо на него глядя и не выпуская из своей ручки нож, вблизи оказавшийся костяным ножичком для разрезания бумаг. Но совсем близко подойти она не успела – Тиличеев с шумом рухнул на снег, уронив шапку и растянувшись во весь рост.

Он вскочил так быстро, как только смог, и принялся торопливо кланяться, попутно рукавом обивая с себя снег. Снизу ему только смутно виднелся светлый силуэт в окне, но господин Мордюков, подбежав, делал какие-то знаки руками, и девушке, и самому рухнувшему рыцарю. Лишь спустя минуту-другую, уже будучи оттащен дальше от дома, Алексей Афанасьевич смог расслышать, что ему бормочет его названный оруженосец:

– Полно, господин Тиличеев, не ровен час, услышит кто!.. далеко ли до беды! Охолонитесь, не то прислуга набежит, да барыне доложат, тогда Софьюшке и вовсе туго придется!

Тиличеев стоял, тяжело дыша, и все никак не мог нащупать крючки, чтобы застегнуть распахнувшуюся шубу. Потом засмеялся, и, схватив за плечо своего спутника, сам потащил его в сторону садовой калитки.

– Эх, прямо роман! Даже не думал, что меня так зацепит! Благодарствую, Степан Матвеич, кровь мне разогнали!

– Сам вижу... – отозвался господин Мордюков, почти на бегу. – Теперь верите, что все в точности обстоит, как я вам сказывал?

– Ничего не прибавили! И девица хороша, глаз не отвести, и напугана, и в печали... Теперь пора остановиться и дальнейший ход действий обсудить. Я разумно говорю?

Мордюков согласно кивнул и стал в тени старой ели, на всякий случай опасливо оглянувшись.

– Вы заготовили послание, о котором я вас просил? Давайте – протянул он руку.

– Всеконечно – Тиличеев достал из-за пазухи лист бумаги, свернутый в несколько раз. – Жаль, сухо написал – мол, прослышал о вашем бедственном положении, желаю выразить вам сочувствие, не в силах ли чем помочь... Сейчас бы добавил что-нибудь более романтическое, да возможности нет...

– Не придумано еще чернил, которые на морозе писать могут, а карандашиком оно невежливо выходит – забирая послание, согласился Мордюков. – Листок-то великоват, надо бы записочку на малом лоскутке бумажки... Ну, да попробую передать, семь бед – один ответ. Я сей же час потихоньку в дом пройду, авось никто внимания не обратит, что моих санок не видать. А вы, господин Тиличеев, прямиком в свой возок отправляйтесь, теми же пятами вон, и меня там дожидайтесь. Да велите кучеру все же поближе подъехать – уж больно студено мне будет к вам добираться.

– Стойте, оруженосец! Постарайтесь на словах передать Софье, чтобы завтра днем она попросилась хотя бы по двору прогуляться.

– Это вы дело говорите! – отозвался Мордюков. – Днем оно не так подозрительно. Приложу все старания.

Август 201... года, город Никольск

Из частной беседы с Кристиной Ереминой

– Кристина, мне сказали, что вы хорошо знаете Анну Лапину. Это так?

– Конечно, знаю, мы в параллельных классах учились. А это правда, что Витьку Лапина арестовали?

– Вам, как коллеге, могу сказать – правда.

Представитель следственного комитета смотрел на Кристину, помощника прокурора, не выпуская из рук кофейную чашечку. В служебном буфете в четыре часа дня, кроме них, не было ни души.

– Мне вас порекомендовали не только как знакомую Анны Лапиной, но и как человека, могущего рассказать такие вещи, которые официальным органам обычно не сообщают. На ваш взгляд, в двух словах, как можно охарактеризовать Лапину?

Кристина чуть скривила губы и произнесла убежденно:

– Анька – дура. Набитая дура. Почему вы смеетесь?

– Не ожидал, что вы так буквально воспримете мою просьбу. Так-таки дура? В каком смысле?

– Ну, не в смысле слабоумная или еще что... Она училась хорошо и все такое... Но, понимаете... С такими сись... пардон, ногами, натуральная блондинка, да при такой мордашке – и сидеть в Никольске! В пять раз страшнее нее и конкурсы красоты выигрывают, и по подиуму ходят, и для журналов снимаются... А она Витьке Лапину борщи варит и рубашки гладит. Нет, она точно ненормальная. Если бы она хоть палец о палец ударила, у нее совсем другая жизнь настала, даже сейчас. Она ведь и поет, для оперы, может, и не годится, а для попсы – с руками и ногами взяли бы. Тем более такими!

– Простите, Кристина, но вы тоже красивая девушка, однако вернулись после университета домой.

– Ну, это временно... В любом резюме первым пунктом указывается опыт работы, вот я его и зарабатываю. А насчет красоты... Нет, я в зеркало себя вижу, конечно, но честно сказать, нас таких в городе человек десять, не меньше, ну, вы понимаете... А таких, как Анька, не в каждом миллионнике найдешь.

– И что же, у нее всю жизнь только один этот Виктор?

– Нет, конечно... Так сейчас наверное не бывает... В школе у нее был роман со Стасом Терехиным. Она тогда еще в классе седьмом училась, нет, это началось летом, перед восьмым классом. Они всё ходили за ручку, ей тогда все девчонки завидовали – Стас на целых три года старше, и папаша у него замглавы администрации, и все такое... Мажор местный, в общем. Ну, он школу закончил, в Москву поступил учиться, стал редко приезжать. Его родители к Аньке прохладно относились, отец еще ничего, а мать – сами понимаете. Что с нее взять? Отец от них ушел, мать ее в музыкальной школе работала – ни денег, ни перспектив. Потом выяснилось, что они Стасу в жены давно уже прочили дочь своих друзей, с которыми в институте вместе учились, что ли... Родители у той девчонки тоже чиновники, только в Москве. Их и поженили быстренько, а сваты Стаскиным родителям протекцию сделали, теперь они все в Москве живут.

– А что же Лапина?

– Ну, сами понимаете, первая любовь и все такое... Переживала, конечно, но вида не показывала – она вообще такая, Анька, все в себе. Потом она тоже учиться поступила, из города на время уехала.

– Простите, Кристина, а этот Стас приезжал еще в Никольск?

– Конечно, приезжал. У них тут дом остался хороший, бабка его сейчас в нем живет, сторожит. Они сюда время от времени наезжают, как на дачу. Только интересно, что Стаськина жена раз от разу все больше на Аньку похожа становится.

– Как это?

– Ну, сначала в блондинку перекрасилась, потом грудь увеличила – правда-правда, это не одна я заметила, – потом губки подкачала. У нас говорят – ей осталось еще ноги нарастить, и в темноте от Аньки не отличить.

– Языкатый у вас народ...

– А вы думали!

– А как давно Стас приезжал в Никольск?

– Так... у нас сегодня что? Четверг? В воскресенье на рынке его видела. Кстати, там же и Аньку со всей компанией встретила. Витька с ней шел – его в любой толпе издали заметишь, потом французы эти. Они, похоже, шашлыки затеяли, я их и в мясном ряду видела, и потом в овощном. Веселые они все были, и Витька тоже, кажется...

– Веселый или кажется?

– Да ну вас, не поверю я, что Витька убить мог. В голове не укладывается. Тут что-то другое. Вам бы еще с Колястиком поговорить, он тоже как раз рядом вертелся. Да, обязательно, это у нас такой... то здесь, то там.

– Фигаро местный?

– Вроде того. Николай... Николай... как же его... Уваров, кажется. Все его Колястиком зовут. Он, кстати, недалеко от Лапиных живет. И на рынке следом за ними тащился, он изда-лека чувствует, где какая возможность выпить подвернется. А где шашлыки – там, сами понимаете...

– Вы полагаете, Лапины на пикник ехать собирались?

– Зачем им ехать? У них дом свой, с садом, там и беседка, и мангал. Кстати, сад на овраг выходит, а там местные алкаши в хорошую погоду кучкуются, и Колястик с ними частенько сидит.

– Хорошо, пусть мне этого Колясика представят в наличии... А Стас, говорите, тоже на рынке проходил? Он Лапиных с гостями видел?

– Видел, он со своей рядом тащился. У нас по воскресеньям рынок – никакого клуба не нужно, всех встретишь, кого надо и не надо.

– Ладно... А еще, кроме Стаса, был у Анны кто-нибудь?

– Был, но это темная история. Мне кажется, вам в этом направлении надо покопать! Я об этом мало что знаю, да никто не знает. Мать Анина, разве что, и – вот, папаша ее! Я уже говорила, он от них давно ушел, лет десять назад – ну, знаете, как бывает. Уехал в Москву на заработки, там и нашел себе бабу, то есть женщину, а она его и перетянула к себе, заставила развестись. Так о чем я?

– Вы сказали, что это темная история.

– Да-да, как раз такая. Аня после школы поступила куда-то по музыке, в Москве. Это уже после того, как Стаса женили. А вот тут я вам ничего определенного сказать не могу, честно, но слухи ходили, будто в то время у нее появился какой-то парень.

– Отчего так таинственно?

– Парень какой-то крутой, всех вокруг нее разогнал, никого к ней не подпускал, а она вроде его боялась до жути. Вот тогда Витя на ней и женился.

– А причем здесь Виктор?

– Он при ней всегда вроде защитника, как старший брат, понимаете... Она ведь всегда заметная, и он тоже.

– Не очень понимаю.

– Витя Лапин в два метра ростом вымахал еще в классе десятом, в баскетбол играл, в городе его все знали. А Аня – живая куколка Барби, и жили они почти по соседству. Он ее и опекал, чтобы никто не приставал, не трогал.

– И когда у них роман со Стасом, тоже?

– Да, хоть Витя тогда в университет поступил. Но он домой часто приезжал, а его родители через две улицы живут. Они втроем иногда гуляли, катались на роликах, на велосипедах... Аня к Виктору как к брату относилась, это точно.

– А он к ней?

– Да кто его знает. Раз женился – значит, не по-братски. Вам об этом с родителями бы поговорить, только не с Витькиными. Они невестку не очень-то любят, больше терпят, а после того, как Витю арестовали, такого наговорят...

– Понятно... Так вы, Кристина, не верите, что Виктор Лапин виновен?

– Не верю. Он такой... Если бы меня спросили, кто это мог сделать, я бы скорее на французку эту подумала. А что? О ней толком ничего не известно. Может, у нее роман был с этим Оливье – вот имечко-то – может, это она его приревновала. По голове стукнуть «твердым тупым предметом» – это и женщина сможет.

– Вы в курсе результатов экспертизы?

– Да ладно вам, чем еще по голове стучают? Так, говорят, кровью и залился, этот француз бедный. Жалко, такой парень симпатичный... У этой Моник какие-то причины могли быть, а тут в Россию приехали – они же, иностранцы, до сих пор думают, что у нас медведи по улицам ходят. И мафия всем заправляет, и полиция у нас купленная! И можно убивать безнаказанно, и концы в воду! Нет, правда!

– Успокойтесь, Кристина. Спасибо вам за откровенность.

Январь 1798 года, имение Щелыгино

Алексей Афанасьевич Тиличев успел соскучиться, дожидаясь в возке. Он выбрался наружу и ходил рядом с лошадьми, которые время от времени переминались с ноги на ногу и поматывали гривой над зимней упряжью. Кучер дремал, завернувшись едва не с головой в бараний тулуп. Завидев шуплую фигурку Мордюкова, хозяин возка ткнул кучера в бок и торопливо протянул руку навстречу своему компаньону.

– Передал – выдохнул тот главную новость вместе с морозным паром. – В собственные руки передал. Прокрался, как нашкодивший кот, и поскребся в дверь. Она поначалу и говорить не хотела, думала, что я от Берко-Берковича посланец. Потом в замочную скважину выглянула... На ключ ее запирают, бедняжку. Но я письмецо ваше под дверь уловчился просунуть, и просьбицу на словах передал, чтобы она завтра попросилась гулять по двору. Вот вам и случай уже въяве повторить, что в цедулке своей написали, и уж теперь на романические эпитеты не скупитесь, мой вам совет.

Компаньоны забрались в находившийся возок; старичок покопошился, устраиваясь, затем вопросительно повернулся к Тиличеву:

– А что ж дальше? То, что вы Софьюшке приглянуться можете, в том я и не сомневался, без этого и разговор не стал бы затевать. Справитесь ли с самой Марьей Спиридоновной? Она и в обыденной жизни особа себе на уме, а уж коли дело до спасения сынка любимого касается – ждите хотя и бескровной, но битвы. Добро бы с противником равной силы, я имею в виду особ мужского пола. С дамами состязаться еще тяжче, уж поверьте моему немалому опыту. Начнет госпожа Щелыгина уходить от прямого разговора, на вертижи в голове ссылаясь, или же вот! На рюматизмы; они у нее по всему телу, должно быть, разбросаны, и когда дело в неудобную для ней сторону поворачивается, тут-то они и вылезают, как по мановению руки.

– С такими дамскими штуками я справлюсь, не беспокойтесь. В дипломатии тоже от дам в известном возрасте немало зависит, и с ними я поднаторел тягаться. Вы не забывайте, Степан Матвеевич, что наша задачка из себя фигуру не треугольную представляет, а по меньшей мере четвероугольник – сама Софья, ее тетушка, предполагаемый женишок и ваш покорный слуга. Этот господин с двуспальной фамилией представляется противником серьезным – у него мошна, по всем слухам, тугая, и он любые языки засеребрить может. Мне с моими скромными капиталами с ним тягаться не с руки. Нет ли какого иного способа сего противника поколебать?

Старичок посопел, помолчал и заговорил вполголоса, хоть ни одна живая душа их разговор слышать не могла:

– Как не быть... Люди известного сорта своих целей добиваются всеми возможными, а порой и невозможными действиями. Со стороны их зацепить трудно, но я, как стряпчий, многих тайн хранитель... В бумагах господина Берко-Берковича немало шероховатостей имеется, за которые в известных случаях власти могли бы зацепиться при желании. Но!.. – он поднял торжественно сухой суставчатый палец – главное слово здесь – при желании. А сей господин с властями на короткой ноге, щедр и на подарки, и на приглашения, и на развлечения. Так что путь через нелады в бумагах непростительно долог, ибо временем мы с вами, любезный господин Тиличев, не располагаем вовсе. Придется нам взять на вооружение только глухую молву, но молву крайне опасную. Я и раньше задумывался, отчего это в нашем уезде люди именитые и состоятельные отдают Богу душу аккурат в то время, когда их родственники или свойственники в тугой переплет попадают.

– И давно это вы заметили? – с интересом перебил его Тиличев. – Не забывайте, я здесь человек хоть и не новый, но уехал отсюда еще в молодые годы и с тех пор наведывался только изредка. Да-да... – он задумался – припоминаю немало смертей, которые меня удивили. Иной раз целые семьи в короткие сроки словно косо выкашивало.

– Ах, как верно вы изволили высказаться! – с жаром подхватил стряпчий. – В прежние времена тоже такое случалось, вот, хоть бы и ваше, прошу прощения, семейство в пример привести. Ваш батюшка, ваша матушка, а потом и его вторая супруга, мачеха ваша, я позабыл, сколь деточек у них было – не то трое, не то уж четверо – в какие-то годик-другой преставились один за другим. Да ведь вы тогда еще совсем юным были, едва из отроческих штанишек выросли, да и жили-то не здесь. Ох, простите, Алексей Афанасьевич! Глупость я сболтнул, не принимайте на свой счет. То все дела хоть и грустные, но вполне обыденные – деточек до года едва ли половина доживает, и роженицы почасту мрут родами или после, в горячке родильной, число вдовцов умножая многократно. Нет, здесь совсем другая картина вырисовывается. Позвольте напомнить, за счет чего у этого приезжего господина имение-то округлилось, я вам давеча рассказывал. Он уж дважды вдовец, и жены у него умирали скоропостижно, и вовсе не при родах. А у второй супруги, старой девицы, всю семью вот так-то в одночасье на погост свезли: оба брата, brave военные, и отец с матерью вскоре за ними приказали долго жить.

– Так вы полагаете?.. – задумчиво заметил Тиличев. – Хм... оно, конечно, заманчиво его таким образом припугнуть, но не отмахнется ли? В Европе тоже немало похожего случается в последнее время – то ли поветрие такое пошло, то ли из-за войн и революций цена человеческой жизни упала многократно. Вот, к примеру, в Вене про отравления шепчутся в каждой кофейне, кого только не называют. Даже, говорят, один знаменитый композитор в припадке безумия признался в отравлении собрата по профессии, хотя и бедного, но божественным талантом наделенного. Но до Вены отсюда далековато!

– Всё так, всё так... – покивал головой Мордюков – однако попробуйте как бы невзначай при господине Берко-Берковиче упомянуть про знаменитый яд Елисея Бомелия. Как, вы про него не слышали? Давненько, значит, вы у нас не бывали! Лекарь Бомелий, как говорили потом, чернокнижник и алхимик, за то и казнен был. При Иване Грозном из Англии въехал, придворным лекарем стал и одно время большую силу имел. Сказывали, будто умел он такие удивительные яды составлять, что человек, их принимая, умирал, похоронен был по всем обрядам, а через известное время воскресал из мертвых.

– Эко вы, уважаемый, загнули! Что ж он, Бомелий ваш, чудеса господни в силах творить был, что ли?

– Погодите, не перебивайте меня, Алексей Афанасьевич! И ничего я не придумываю... В те времена, тому уж с лишком двести лет, такой ужас и морок люди переживали, что до сих пор помнят, и из уст в уста передают. Целые роды боярские до единого истреблялись, не щадили ни старых, ни малых, а вместе с ними, как водится, и всю челядь. Нигде спасения не находили, вот и искали его в могиле.

– Да как же это может быть?

– А вот как! – старичок вовсе близко присунулся к хозяину возка, и заговорил совсем тихо, почти касаясь своим подбородком мехового воротника Тиличева. – А больше и скрыться негде! Живого завсегда найдут и достанут хоть из-под земли... Опричники с собачьими головами у седла врывались в любой дом, и удержу им никакого не встречалось! Вот и покупали богатые люди то зелье у царского лекаря за огромные деньги. Выпьют и вскоре становятся как бы мертвыми, их на погост снесут и в могилке зароят, как положено, крест сверху поставят. Ан верные люди через малое время обмершего достанут, и в чувство приведут. Конечно, страшно на такое идти, почитай, живым в гроб ложиться, но еще страшнее государев гнев на себе испытать. А так – помер, и взятки гладки, и самого разыскивать не станут, и родню в покое оставят. Даже и того чуднее происходило – иного человека прилюдно казнили, а он вскоре живым мог оказаться. Но, конечно, это ежели через повешение – задумчиво уточнил старичок – когда голова с плеч, тут никакое зелье уже помочь не могло.

– Сказки какие-то! – пожал плечами Тиличев. – И к чему тогда подозрительные смерти у нас в уезде? Они-то как раз помирают безвозвратно, все эти неудобные жены и лишние братья!

– А также постылые мужья и даже кое-кто из соперников по судебным тяжбам – согласился Мордюков, кивая и немного отодвигаясь от собеседника. – То знаменитое зелье, должно быть, больно трудно в изготовлении, а вот просто отраву надежную кто-то очень успешно у нас в округе составляет... Как я ни пытался прознать, кто такими делами промышляет – ни на шаг не продвинулся. Ходят только слухи, что по прописям этого самого Бомелия отравное зелье готовится, и все...

Собеседники замолчали, слушая скрип полозьев. Когда на развилке возок поворотил к деревеньке Мордюкова, как кучеру загодя велели, первым заговорил Тиличев:

– Простите, что с таким недоверием поначалу к словам вашим отнесся, Степан Матвеевич... Предания про волшебные зелья по свету столетиями ходят. Я не единожды представление на театре смотрел про молодых любовников из Вероны, они похожим зельем воспользоваться пытались, но там все плохо закончилось. Но здесь-то такому поверю откуда взяться?

– Однако подозрительных смертей за последнее время столько стало, сколько я за всю свою прошлую жизнь припомнить не могу. И слухи, опять же... Так что не забудьте при господине Берко-Берковиче разговор в эту колею повернуть, а ну как поможет это нам с вами в нашем благородном деле...

Август 201... года, Москва

Из беседы со Станиславом Терехиным

– Вы мне можете по-человечески сказать, что вам от меня надо?

– Очень хорошее определение! Именно по-человечески. Ответьте мне на несколько вопросов, и мы благополучно расстанемся.

Стас нервно пожал плечами, отвернулся к панорамному окну во всю стену. С одной из высоток Москва-сити открывался такой вид на город, которого представителю следственного комитета наблюдать раньше не приходилось.

– Странные у вас вопросы... – Стас качнулся во вращающемся офисном кресле.

– Почему же странные? Я спрашиваю вас о вашей же собственной жизни. Кто еще может на них ответить? Имеется серьезная причина, из-за которой я к вам обращаюсь. Причина эта вам известна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.